

Анастасия Хатиашвили

**ЛУЧШЕЕ, ЧЕГО
У МЕНЯ НЕТ**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастасия Хатиашвили
Лучшее, чего у меня нет

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хатиашвили А.

Лучшее, чего у меня нет / А. Хатиашвили — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Умереть молодым - адская несправедливость. Тем более, когда ты недолюбил и толькоходишь во вкус жизни. Заза Сария не просто красивый и харизматичный молодой грузин. Он - мужчина, полный страстей, противоречий, огня, безумного желания отдавать и получать. Но в 30 лет небеса прогневаются на жизнелюбивого человека, обладающего уникальной способностью дружить и спасать людей, и задумают забрать его с греховной земли. Но Сария не так-то прост, чтобы вот так легко подчиниться путям неисповедимым...Содержит нецензурную брань.

Анастасия Хатиашвили

Лучшее, чего у меня нет

Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Лучшее, чего у меня нет

Посвящается памяти Асланова Дениса

Часть I

*«Человек – не Остров, достаточный сам по себе;
каждый человек – кусок Континента, часть Суши;
если Море смоеет горсть земли,
Европа станет меньше,
как и в случае, если бы это был Мыс,
или Жилище друзей твоих, или твое собственное;
смерть любого человека уменьшает меня,
потому что я – часть Человечества.
И поэтому никогда не посылай узнавать,
по ком звонит колокол;
Он звонит по тебе».*
(из проповеди английского поэта и священника Джона Донна)

Воскресенье, 18 ноября, 2018

Заза. Первое письмо. Приглашение в игру

*"Когда мы мертвы,
не ищите нашу могилу в земле,
но найдите ее в сердцах людей".
Д. Руми*

Я никогда не мог представить, что у меня так рано может умереть друг. Ведь всегда думаешь, что именно с тобой это никогда не случится. Не в этой жизни. Или точно не в ближайшие пару десятков лет.

Тем более невыносимо было представить себе, что умрет такой красавчик, как Заза. Ведь если только можно вообразить среднестатистического привлекательного молодого грузина: видного, с харизмой, отменным чувством юмора, манящими чертиками в глазах и с характером, то это был вылитый Заза Сария. С этим бы никто не поспорил.

Нет, в принципе это могло произойти. Особенно судя по опасному влечению Зазы к ненормальным приключениям разного рода. Но точно не в тридцать лет, когда мужчина обычно только-только входит во вкус жизни и вникает в суть того, зачем он появился на белый свет.

Под ненормальными приключениями я не имею в виду клиническую смерть от передоза белладонной, высшую форму алкоголизма, мерзкую хронофобию или прочие пограничные аномалии. Нет. Просто Заза каждый день любил чувствовать повышенный уровень адреналина в крови, ощущать, что живет здесь и сейчас, не откладывая жизнь в долгий ящик, на

мифическое потом. А делать то, что хочется, и хочется ему, а не родителям, соседям, друзьям, обществу, классному руководителю и другим персонам.

Сария всегда повторял, что не важно, где, с кем и как. Глупая, гнусная фраза, согласен. Но из уст моего друга она звучала как мантра, имеющая здравый смысл. Лишь бы не оставалось чувства голода, ощущения недосказанности, незавершенности, этого не испепеляющегося привкуса того, что ты не успел чего-то сделать, считал Заза.

"Лучше сделать и пожалеть, что совершил, чем всю жизнь ворчать, бредить и жалеть о том, на что ты так и не осмелился", – говорил Сария, улыбаясь.

Разумеется, это не могло продолжаться долго.

Хотя я до сих пор отказываюсь верить в смерть Зазы. Вернее, просто не могу полностью осознать, что его нет. Кажется, где-то там, глубоко в подсознании, я просто заставил поверить себя в то, что Заза, как обычно, застрял в какой-то дыре планеты. Или с поднятыми вверх руками и глупым лицом перевел трогательную бабульку-одуванчика через дорогу на красный свет, после чего попал в странный бар с масонами-трансвеститами, или соблазнился на идею безмятежного бармена с тоннелями в ушах махнуть волонтером в Тибет. А, возможно, отправился на войну, придуманную лидерами несуществующих стран, чтобы отвести глаза ответственности от несуществующих любовных скандалов. Или решил стать бесстрашным водолазом и до мельчайших крупинок изучить, наконец, этот подводный мир, чтобы старик Кусто курил в сторонке. Или же оказался нищим и счастливым на райских островах Индонезии.

Вариантов в моем мозговом пространстве море, и в каждом из них Заза смотрелся слишком органично. Ему шла любая взбалмошная идея, любая безбашенная история, с любым несусветным финалом. Лишь бы Заза оставался жить.

Возможно, я не до конца мог принять правду еще потому, что не был на его похоронах и не видел Зазу мертвым, в гробу, который на моих глазах забили бы двумя ужасными гвоздями, обрывающими все пути к живому, к воздуху. Не знаю...

Поэтому вы представляете, насколько я был шокирован, когда почтальон, постучавшись в мою дверь в тот злополучный осенний день, протянул мне письмо от Зазы.

За окном шел самый занудный ноябрьский дождь, который только можно себе представить. Он тупо барабанил по стеклу окон моей квартиры, как худший драммер в истории музыки, не попадая ни в один такт и выбиваясь из всех рамок ритма. В этом безумном дожде не было ни капли приятной гармонии. И небо не могло с этим ничего поделать.

Люди под разноцветными зонтами спешили по срочным делам, иначе бы выйти по собственной воле в этот ливень было непростительным безрассудством. Дело не в том, что я не люблю дождь. Напротив, он иногда бывает очень даже кстати. Просто чаще всего эти грязные реки под ногами и в небе мешают радоваться жизни, будто уговаривают отложить ее на завтра. По крайней мере в тот момент мне именно так казалось.

В этот день я никого не ждал и тем более не хотел никого видеть. Все утро и весь день валялся на диване, то включая, то выключая передачи Discovery. Люди, звери, машины на экране с пеной у рта боролись за выживание, за звание сильнейшего, самого жестокого и авторитетного существа. Несколько раз за день я открывал окно. Свежий воздух напоминал мне о том, что я живой и что надо немного поесть. Но я только курил и маленькими глотками смаковал крепкий зеленый чай.

А потом я вдруг услышал тот странный стук, будто влюбленный дятел с какой-то неизвестной человечеству планеты осторожно пытался втиснуться в мою сакральную зону комфорта. Почтальон протяжно и как-то невесело стучал в дверь, а потом так же долго держал протянутую руку с письмом.

Я обратил внимание на его руку: белая, совсем юная, с зелено-сиреневыми венами и серебряным кольцом на указательном пальце. Я бессознательно пытался разглядеть кольцо – кажется, на нем был изображен какой-то получеловек-полубог. Да и само лицо парня напоми-

нало мне какого-то Бога или его прелестную мраморную копию. Арес, Дионис, Давид. Слишком красив, как будто из кадра старого итальянского фильма.

– Письмо от кого? – скептически-брезгливо протянул я почти фальцетом, уверенный, что меня разыгрывают.

– От Зазы, – глухо, но твердо ответил почтальон. Неизвестного происхождения прекрасный Бог стоял передо мной слишком ровно, выглядел блестяще, будто играл свою лучшую роль.

Я не знал почерка моего друга, так как мы переписывались с ним исключительно по интернету и смартфонам. Но почему-то сразу узнал его: резкий, без наклона почерк. Я бы назвал этот стиль письма бескомпромиссным, каким был и сам Заза. Перед глазами почему-то нарисовалась нереальная картина: сотни написанных в разное время Зазой писем, стол, заваленный его письмами, комната писем...

– От Зазы Сария, – еще глуше, как в пустой пузатой бочке, прозвучал голос белорукого почтальона.

Конец роли. Я понял, что он больше ничего не скажет. Его безмерно синие глаза, казалось, сначала пробежались по моей физиономии, как по безупречной поверхности озера Черных скал, но тут же передумали, будто потеряв интерес, и лениво опустились. Дверь мгновенно закрылась, отдавшись гулким эхом в подъезде.

Позднее я, правда, усомнился в том, что это был настоящий почтальон. Для служителя почты он был слишком молод. Почти юнец. Несовершеннолетний Бог. Поэтому я стремительно выбежал на лестничную площадку, пробежал три этажа, но его и след простыл.

Я немного постоял у лифта, прислушиваясь к шумам в подъезде, дважды обошел дом, присмотрелся к жилым корпусам по соседству. Но в округе не было даже малейшего намека на почтальона или на какую-либо служебную машину или скутер. Не найдя моего почти неправдоподобного почтальона, я вернулся домой и присел с письмом в руках на диван. Телевизор вещал о том, как мудры и коварны змеи.

На ощупь конверт был очень тонкий, будто совершенно пустой. Я осмотрел каждый уголок письма, принялся к марке с каким-то замысловатым маяком, что-то сильно напоминавшим мне. Письмо было из Германии, из Гамбурга. Последняя локация Зазы. Я представил себе Гамбург его глазами – вольный город, огромный порт, тысячи мостов, больше, чем в Венеции, Амстердаме и Лондоне вместе взятых.

Дрожащими руками я открыл конверт. Странно, но внутри оказалось три достаточно больших мелко исписанных листа и распечатанная на черно-белом принтере фотография Зазы. Улыбающегося и, как всегда, стильно одетого. Вероятнее всего, в вагоне метро. Станции Нордершtedт Митте, Хауптбанхоф Зюд, стоп, яркая вспышка фотоаппарата. Его улыбка, как будто застигнутая врасплох. Заза всегда так улыбался: вдруг и обезоруживающе.

Я прочитал первую строчку: "Привет, Токо! Не бойся, я пишу не с того света! Все в порядке, брат! Я еще жив!"

И вдруг мне стало не по себе.

Я тут же отложил письмо. Сердце как-то странно, медленно и невнятно забило. Как будто меня запихнули в старый, довоенный телевизор и выбросили на дно океана. Меня обнюхивали рыбы, покусывали косяки морских коней, на меня скалились акулы, но мне все было до мембраны. Через несколько мгновений я все же сделал над собой недюжинное усилие, поднялся с дивана, прошел в кухню и достал из холодильника бутылку пива. Крышка отдалась мне со второго раза, бутылка грозно зашипела. После больших трех глотков я немного пришел в себя и вернулся в комнату, вновь принявшись за письмо:

"Привет, Токо! Не бойся, я пишу не с того света. Все в порядке, брат! Я еще жив! Вернее, когда ты будешь читать эти строки, я, скорее всего, буду мертвее мертвых. Но давай не будем об

этом! Лучше пей свое любимое крепкое горькое пиво (Господи, как ты его пьешь?!) и просто выслушай меня, как раньше.

Кстати, представляешь, у нас с тобой дебют. Я впервые пишу тебе письмо от руки, и ты впервые его читаешь. Разве не здорово! Я так старательно вывожу каждую букву, и мне это нравится. Как весточки от товарища из детского лагеря! Ты же был в лагере, друг? Я был.

Ладно, Токо, в первую очередь, хочу попросить у тебя прощения. За то, что спустя время опять ворвался в твою жизнь (по моим подсчетам – это ровно три года). И, возможно, шокировал. Но я не виноват, что такой стихийный. Тем более скоро ты сам поймешь, почему я сделал это именно сейчас. Короче, я в последний раз прошу у тебя прощения и заканчиваю с этими извинениями.

Естественно, я о многом хочу тебя спросить. Как ты? Где ты? Женился ли? Стал ли отцом? Чем занимаешься? Продолжаешь ли рисовать? И я сейчас не о графическом дизайне, а о настоящей живописи. Рисовать для себя, помнишь? Но все это будет тухлым номером. Потому что мне не суждено узнать ответы на эти вопросы. Не в этой жизни, как говорится. Не в мою смену.

Нет, конечно, если ты найдешь мою могилу и ответишь на эти вопросы, сидя на ней, то, чем черт не шутит, может, до меня что-то и дойдет. Но я все-таки не уверен и не обольщался бы по этому поводу. К тому же я не знаю адрес своей могилы. Да, типа "Где же ты, мой Сулико?" Так что, с твоего позволения, Ток, я не буду задавать тебе напрасные вопросы и просто расскажу о себе.

В Гамбурге, в этом доме, в местечке Пёсельдорф, я живу последние полгода. И с полной уверенностью могу сказать, что это самое лучшее жилье, в котором мне когда-либо доводилось жить. До этого я снимал комнаты и квартиры в самых нелюбимых районах Гамбурга. А это настоящий оазис гармонии и уюта посреди современного мегаполиса. Тут так легко и приятно дышится и все время хочется что-то творить, делать, мастерить. В моей квартире есть все для того, чтобы целыми днями не выходить из нее и при этом чувствовать себя счастливым, быть чем-то занятым. Шикарные телевизор и музыкальная система, безупречная кухня, роскошная гостиная. А ванная комната... Это высший комфорт, который я когда-либо испытывал. В моей королевской ванной я прочитал лучшие романы человечества.

Токо, а балкон! Прости, брат, но я воплотил в его дизайне все твои идеи. И он... Да это просто божественное вмешательство. Резные перила, идеальный соломенный стол. А главное, твоя мечта – мегакрутое кресло-качалка с подставкой для ног. Я на этом балконе и обедал, и спал, и загорал, и работал. Ну и занимался любовью, естественно.

Хочешь прикол? Однажды я на этом кресле-качалке занимался сексом с одной смазливой медсестрой, которую нашел на каком-то медицинском форуме и уговорил приходить ставить мне уколы. Ее звали Ханна Вагнер. Прикинь, Вагнер, блин. Да ей до внутреннего мира Вагнера как до никогда. Так вот до меня до сих пор не доходит, как это произошло, но я в одно мгновение не смог ее удержать. Короче, она грохнулась с качалки и сильно ударилась о гранитный пол, повредив себе копчик. Громко разрыдавшись, она прокляла меня. Так и сказала: "Чтоб ты сдох!" Мол, "даже при смерти имеешь все, что хочешь, но не отвечаешь ни за что..."

И ты представь, ее слова сбываются. Слова этой несчастной сучки-Вагнер. Нет, правда, эта дешевка-медсестра, которая не доучилась в университете до паршивого диплома и постоянно спит со своими пациентами, чтобы не коротать вечера в одиночестве, реально прокляла меня. Все, я опять разъярен. Стоп! Такие вот дела, брат. Или я слишком мнительный стал, или мне попадаются одни сущие ведьмы.

Потом, правда, я немного забылся в работе. Кстати, о работе. Ты никогда не догадаешься, чем я теперь занимаюсь. Есть идеи? Нет, я не чищу звериные клетки в зоопарке, не свожу пластинки в ночном баре и не читаю сопливые жизнеутверждающие повести старикам-маразматикам в доме престарелых. Это круче крутого. Потому что дает ощущение, что ты движешь

историей, временем, создаешь новые миры. Я пишу сценарии, Токо! И не простые, а для полнометражных художественных фильмов и сериалов.

Начал я вообще смешно. На бирже фрилансеров один чувак попросил написать сценарий для двухминутного ролика на экологическую тему. У меня, как видно, неплохо получилось. Потому что тот тип благодаря моей писанине выиграл солидную сумму и посоветовал меня своим однокурсникам-киношникам. После этого заказы посыпались просто с невероятной скоростью.

Я сам себе удивлялся, откуда из меня прут такие конкретные и интересные истории. В данный момент, например, у меня подряд три заказа. Один, правда, на мыльную оперу про неомафиози с претензией на философскую драму. А два других – психологические триллеры. И платят более чем прилично. Тут главное писать много, часто, быстро: много острых жестких диалогов, таких, чтобы при них мимо телевизора никто не прошел, не остановившись, даже глухой дед с Альцгеймером. Так что, когда будешь смотреть новое кино, обращай внимание на имена сценаристов. Вдруг найдешь меня.

В этом письме я намеренно ничего не пишу о Конце. Потому что я избегаю разговоров о нем. Я здоров духом, работаю, живу полноценной жизнью. Хотя иногда слишком злюсь на себя, что так напрасно все про..., ну ты понял. В такие моменты я сажусь в метро, еду на самую дальнюю станцию в конец города и в каком-то заброшенном здании или, бывало, в лесу кричу, что есть силы. Просто кричу. Бывает жутковато от самого себя. Потому что после такого крика меня обычно настигают волны рыдания, я хриплю, как последняя свинья перед Рождеством и не могу остановиться. И в плаче трясусь, как эпилептик. Жалкое зрелище, не правда ли?

А когда не так больно и просто грустно, я пью дорогой солодовый виски или бурбон и вспоминаю тебя. Я знаю, знаю, это последнее чувство, с которым ты бы хотел, чтобы я тебя вспоминал. Но то лето, помнишь?.. Ровно три месяца – лучшие девяносто дней моей жизни. Мы были королями, Токо. Королями жизни. И это было действительно так.

Помнишь, однажды, когда мы, уставшие, после целого дня приключений, пили пиво на морском пляже, я испытал подобную грусть. Предчувствовал, может, не знаю. Но тогда я знал, что когда-то наступит тяжелый момент, а ты будешь далеко и очень мне нужен. Всегда такой легкий, смешной, дружелюбный, но часто прячущийся за своей скорлупой и неожиданно закрытый. Но не для меня.

Помнишь, я еще тогда сказал тебе, типа, я бы смог прожить жизнь без жены и детей, но в крутом особняке, при бабках. И с тобой. Мы бы читали в шезлонгах книги, пили бы виски со льдом, смотрели любимые фильмы, играли в бильярд или покер, платили по счетам и за любовь женщин, которых приглашали бы в особняк каждые выходные. А когда и это бы надоело, то отправились бы путешествовать по миру. Ты расхохотался и сказал, чтобы я завязывал с этими голубыми фантазиями. Я тоже рассмеялся и сказал, что найти в жизни хорошего друга – это многого стоит. И тогда шли бы лесом все эти стервозные медсестры-Вагнеры и прочие ведьмы.

Для того, чтобы хоть немного разогнать эту муть, которая в последнее время разъедает меня изнутри, я придумал одно забавное занятие. Тебе понравится, Ток! Короче, дело вот в чем. Можно назвать это просьбой, можно заданием, а можно просто игрой. Я хочу, чтобы ты увидел троих человек. За меня. Потому что я не успел этого сделать. Объездить весь мир успел, стать сценаристом успел, перевалить за сотню любовниц успел, а это, увы.

Понимаешь, я прошу тебя не то чтобы попроситься от моего лица. Нет, это было бы слишком банально и не в моем стиле. Я хочу, чтобы ты посмотрел на них твоими глазами и понял, что я имел. Такого меня ты, скорее всего, и не знал вовсе.

Принимаешь мои правила игры? Да ладно, я уверен, ты можешь взять отпуск на неделю, где бы ты ни работал. Да и хватит страдать фигней! Мзекала? Ты слышал выражение про то, что любовь живет три года. Нет? А зря. Короче, подумай! В конце концов, это последняя моя

просьба. Ладно, не буду тебя убеждать. Знай, на твое имя будет выслан денежный перевод. Отступать некуда.

Первый человек – это мой отец. В конце письма его адрес. Я как-то тебе про него рассказывал. Он по-прежнему живет в селе Натанеби Озургетского района, в Гурии. Я специально не передаю для него ничего на словах. Правда, если будет удобно, передавай ему привет.

До второго письма, Торнике. И хватит хвататься за сердце. Все ок. Подыши свежим воздухом".

Я несколько раз повторил адрес отца Зазы, чтобы запомнить. Аккуратно сложил письмо обратно в конверт и допил пиво, наблюдая в окно за проезжающими машинами.

Было шесть часов вечера. Сердце продолжало странно биться, как будто в полиэтиленовом пакете с двумя маленькими дырочками от швейной иголки. Кислород нехотя снабжал собой сосуды моего шокированного сердца. А я не знал, происходит все это со мной во сне или наяву.

Воскресенье, 15 ноября, 2015

Серная баня. Иоселиани. Не смерть

"В один момент я понял и осознал,

*что нет никакого "светильника",
и нет никакого светильника души...
тот бесконечный Свет.
Существующий всегда и никогда.
За пределами всего и в пределе всего приявленного.
Тот Свет Любви,
прилизывающий всё сущее – это и есть Я.
Я есть. Шива."
Шива Нидра Пурана*

Будто во сне, Заза лежал в тумане густого многослойного пара. Кафель на полу и на стенах был в красивую коричневую клетку с синими крапинками. Над его телом трудился молодой мекисе. Его звали Низами.

Мекисе, терщик или банщик в простонародье, профессия в Тбилиси почти уникальная. Ведь этот человек несет не просто очищение и делает целебный массаж. Под его руками буквально происходит катарсис, очищение ума и души, своеобразная духовная разрядка, расслабление и перезагрузка. Ты доверяешь тело незнакомому мужчине или женщине – по желанию, и он разгоняет лишние жиры, печали и тревоги.

Низами был некрасив, но у него был безумно завораживающий профиль. Несмотря на такую непритязательную внешность от него трудно было оторвать взгляд. Его кудрявая шевелюра, которой, казалось, никогда не касалась расческа, и волевой лоб были в поту. Ловкими движениями мекисе нежно растирал кисой – большой грубой рукавицей – напряженное распаренное тело Зазы, как некий ритуал. От Низами и его сильных рук пахло кокосом.

Сказочной пеной, похожей на снежный покров лучшего зимнего курорта на земле, Низами массировал туловище Зазы: от шеи, затекшей и напряженной, до кончиков пальцев на ногах. На ступне у Зазы была татуировка с изображением бога Шивы.

- Почему именно этот бог?
- Ты про Шиву?
- Другие боги на твоём теле тоже живут?

– Ха! Пока нет, мой мальчик, только внутри, – Заза приложил указательный палец к правому виску. – А Шива, потому что это мужское начало вселенной, одновременно разрушительное и созидательное.

– Перевернитесь, пожалуйста, на живот! – тихо попросил мекисе Зазу.

Я сидел в бассейне, уставившись в потолок, в дырку, куда каким-то магическим образом поднимались эхо наших расслабленных голосов и густой многоэтажный пар. Пар был похож на какую-то фантастическую пыль. Казалось, эта пыль вобрала в себя микроскопические частицы наших тел, следы нашей усталости и терзаний и, спеша, выносила все это наружу, на свет, в кусочек синего неба.

Заза будто был немного грустен, хотя нас после бани ждал великий обед, заказанный в ресторане неподалеку. Ну как великий – хаши да чача. И, может быть, что-нибудь еще. Заза покорно поддавался профессиональным маневрам Низами, изредка бросая взгляды в мою сторону.

– Торнике, ты знаешь, мне кажется, своего персонажа Гию Агладзе Иоселиани писал с меня, – вдруг сказал он. Фраза в целом абсолютно простая прозвучала в банном номере, как последнее слово приговоренного к смерти.

Я отвел взгляд от необычного портала пара в потолке и посмотрел на друга. Он был серьезен, как никогда.

– Ты понимаешь, о чем я, Ток? Говорю же, мне кажется, что своего героя Гию Агладзе Отар Иоселиани писал с меня.

– Кто все эти люди, Заза? – так же серьезно переспросил я.

Заза заливисто расхохотался, откинув голову. Мекисе на миг остановился.

– Эх, Торнике, Торнике. Вот за что я тебя люблю. Я про фильм "Жил певчий дрозд".

– Ааа, ты про того литавриста, который весь фильм бегал-бегал, пока его не сбила машина?

– Вот. Все-то ты помнишь. И только не говори, что ты не увидел более глубокого смысла в этой картине.

– Ну давай, расскажи, почему, по-твоему, вы с тем всегда куда-то спешащим типом похожи.

Мекисе продолжил массировать Зазу, которого попросил вновь перевернуться на спину.

– Во-первых, этот типа ветреный и безалаберный Гия весь фильм хочет всем угодить: собственной матери, маэстро, ансамблю, соседям, друзьям, близким, чужим людям, всем своим многочисленным женщинам, понимаешь? Перед этим извинись, перед тем тоже, той подари цветы, этой – внимание. И все равно остается виноватым. И при этом ведь он поразительно внимательный человек. Он дарит товарищам редкие пластинки, книги, ведет друга с вывихнутой рукой в больницу, зачем-то провожает свою бывшую до работы. И при этом все равно все вечно им недовольны. А все потому, что парень на выступлении от удара в литавры в начале концерта до удара этим же инструментом в конце концерта, а это расстояние длиной в полтора часа, живет своей жизнью и делает, что хочет. И хотя он все время и везде тотально опаздывает, тем не менее к финалу исполнения он появляется вовремя и делает свое дело, как надо. Хоть в последнюю секунду, но делает же. Я почему сейчас это вспомнил...

– Да, почему?

– В фильме он просит прощения за свои опоздания у своего маэстро именно в серной бане, представь?

– Правда? Сколько раз ты смотрел этот фильм?

– Не помню, раз пять. Я вообще обожаю Иоселиани. Но этот фильм больше всего. А потом этот Агладзе – это же клондайк благородства, добра и света. Вспомни его улыбку, его подмигивания глазами. Это же вылитый я. А какой он в фильме любознательный, заглядывает

езде, куда можно – в телескоп, в микроскоп, в операторскую камеру. Он следит за жизнью, но она все равно от него ускользает, как песок, как вода сквозь пальцы, как этот пар в небо.

– Но он ведь кончил плохо...

– Да. И, главное, весь фильм смерть словно подстерегает его. То камни падают сверху, но дыра в полу театра чуть не поглощает его, то огромный горшок комнатного цветка чуть не сваливается на его башку. Он все время выскакивает впереди общественного транспорта. И в финале, Ток, внимание, именно из-за женщины, которая ему понравилась, лишь взглянув на нее, он погибает.

Повисла пауза. Мой взгляд вновь пополз к небесному portalу в потолке.

– Ты уверен, что он погибает? – спросил я.

Заза недоуменно посмотрел на меня. Мекисе закончил свое дело и попросил оплаты. Заза, поспешно обмотавшись полотенцем, вышел в предбанник, расплатился с банщиком и, вернувшись, мигом нырнул в бассейн.

– Что ты имеешь в виду?

– Я просто говорю, откуда ты знаешь, что он погибает? Ведь там удар и его просто увозит карета скорой помощи. И нигде никто не говорит о его смерти.

– Но ведь это очевидно, брат. В кадрах показаны его город, улицы и его друзья без него. Все живут обычной жизнью без него. Тбилиси и все в нем есть. А его нет.

– Это понятно. Но давай посмотрим на это с другой стороны. Вот ты, например, знаешь, что актер, сыгравший Гию Агладзе, его в жизни зовут Гела Канделаки, даже не актер. Вернее, это единственная его роль в кино. Ни до, ни после в кино он не снимался. Хотя режиссером был. Странно, да?

– Я этого не знал. Круто. Но причем здесь это?

– Дело в том, что он играл лучше, чем многие другие. Он играл так естественно, как жил.

– Я с тобой согласен. Но я по-прежнему считаю, что в фильме он погибает. Это очевидно, Ток!

– Заза, не верь тому, что тебе выдают за очевидность. Ведь тебе представили Гелу Канделаки как актера, а он, вместе с тем, что он блестящий актер, на самом деле ни капельки не актер. И смерть его героя, может, это ни капельки не смерть. Может быть, он потом оклемался и опять продолжал свою жизнь. Или уволился, написал шедевр и стал великим композитором. А город и его друзья, которые, как ты говоришь, в кадрах пусты без него, они на самом деле не пусты, а полны им. Ведь он не должен отражаться в витринах магазинов или окнах ресторанов Тбилиси, или в глазах друзей. Он в душе своего города, друзей, в их памяти, в их сердце, в голове.

– Не пусты, а полны им?..

– Да, взгляни на это так.

– Красиво ты говоришь. И ты действительно в это веришь?

– Да. Я верю в то, что Иоселиани не убил бы своего героя, ведь он такой обаятельный. И в этом ты прав – обаятельный, как ты. Иоселиани ввел его в вечность. И теперь я, ты, когда-нибудь наши потомки и много других людей будут смотреть метания этого Гию Агладзе по жизни, на его нелепую якобы смерть и учиться, как не жить.

– Как не жить?

– Да, именно. Как не жить.

– А как жить?

– Заза Акакиевич, вот подрастешь и снимешь фильм о том, как жить. Я знаю, у тебя получится. А сейчас давай сматывать удочки. А то ты после стараний мекисе блистаешь, как золото. Боюсь, что такое золото украдут инопланетяне или поглотит земля.

– Земля? Нет! Этому никогда не бывать! – вновь расхохотался Заза и погрузился в бассейн с головой.

Воскресенье, 18 ноября, 2018

Почтальон. Задание. Дверь Торнике

“Можно простить человеку все, кроме отсутствия”.

О. Хаксли

Голова была тяжелая, а вот сердце юноши стучало спокойно.

Какое-то странное, будто сотканное из сотни несказанных слов, почти тактильное спокойствие обволакивало его комнату, как ванильное мороженое вафельный стаканчик. Будильник зазвенел, как положено, в шесть утра. Вернее, без трех минут шесть.

Парень наощупь нашел любимое кольцо на тумбочке у кровати, надел его на указательный палец руки и сел в кровати. Рассвело утро дня, когда он должен был выполнить давнее задание. Ровно в шесть часов и одну минуту на письменном столе зазвонил мобильный телефон. Парень быстро встал с постели и внимательно посмотрелся в неизвестный номер на экране.

– Привет, Демна! Я тебя разбудила? – спросил в трубку ровный женский голос.

– Нет, – ответил Демна. – Я уже не сплю.

– Хорошо. Если помнишь, это нужно сделать сегодня.

– Разумеется, помню.

– Адрес и время напоминать надо?

– Нет.

– Ок! Только у меня есть еще одна просьба.

– Какая?

– Проведи этот день только для себя.

– В смысле?

– Ну, как последний.

В трубке стало тихо, как будто кто-то проглотил конец провода. Демна прислонился к столу и призадумался.

– Ты слышишь меня?

– Да.

– Понял?

– Думаю, да. Я постараюсь.

– Постарайся. Это его просьба. Для него это было очень важно.

Отключив телефон, Демна пошел на кухню, включил кофемашину и заглянул в холодильник. Он оказался пуст, в нем одиноко зияло одно куриное яйцо и пара бутылок йогурта. Тогда парень нашел в висящем над столешницей шкафу черствый хлеб, отрезал три тонких кусочка и запихнул их в тостер. Спустя пару минут с поджаренным хлебом, смазанным арахисовым маслом, сваренным вкрутую яйцом и ароматным черным кофе на подносе Демна уютно устроился перед телевизором.

Демне было двадцать лет. Точнее, сегодня исполнялось двадцать. Почему они выбрали для этого дела день его рождения, он понять не мог. Возможно, это просто совпадение. Но обещание есть обещание, решил юноша. Тем более делов-то всего ничего: отнести письмо адресату и вовремя смыться.

Но что делать со второй частью задания – просьбой Зазы, Демна пока не знал.

Провести день для себя, как последний, сказал женский голос в трубке. Что Демна сделал бы, будь это его последний день? И кто он вообще?

Студент, изучающий азы архитектуры? Знающий три иностранных языка, любящий Кафку, плавание, мистические фильмы, детективы и секс? За свою жизнь Демна ни разу не подрался, пережил три развода матери, никогда не видел отца, встречался с женщинами разных возрастов, но любил одну, с которой поссорился перед поступлением в институт, потому что не захотел поехать с ней учиться в Чехию. Несмотря на свой юный возраст он предпочитал острые блюда, иногда дорогой алкоголь, экстрим, комфорт, часто пропадал в бассейне, имел три татуировки, пирсинг, любил играть в бильярд, старался мало спать, много читать и гулять по городу пешком.

Демна был стройного, но плотного телосложения, не высок и не низок, возможно, немного коренаст, сказали бы некоторые. Но первое, что бросалось в глаза при встрече с ним – это его белоснежная кожа и синие глаза. На эту удочку часто ловились не только его ровесницы, но и дамы постарше.

С Зазой Демна встретился в Испании, на Ибице, куда третий муж его матери отвез их в отпуск в жарком августе. Было обычное душное августовское утро. Заза в светлых парусиновых брюках и милой соломенной шляпке подошел к нему на пляже, когда тот читал книгу.

– Серьезно?..

Демна недоуменно поднял брови.

– Я о том, что кто-то еще читает Хемингуэя на пляже? – Заза немного беспардонно, будто на предмет реальности, прощупал пальцами обложку книги, широко улыбнулся и присел на горячий песок рядом с юношей.

Демна и не понял, как получилось так, что он провел с Зазой весь тот день. Сначала Заза предложил ему выпить по чашечке кофе, потом сказал, что покажет лучшее на острове место, чтобы вкусно перекусить, потом – чтобы прохладиться со стаканом коктейля, а потом – потрясти костями. Весь день они проговорили о литературе, искусстве, кино, женщинах, чувствах и еще о куче того, на что не был способен новый муж матери Демны, как бы ни старался. Хоть в лепешку разбейся.

В ту ночь Демна немного перебрал с алкоголем в клубе. Но Заза оказался очень заботливым, быстро и ловко вывел подростка из муторного состояния и привел к парочке воркующих родителей в отель.

– Ты точно сделаешь то, о чем я тебя просил? – спросил Заза, прощаясь с Демной.

– Да, конечно! Не беспокойся, чувак! – почти во сне ответил парнишка и отключился.

Сегодня настал именно тот обещанный день. Демна доел поджаренный хлеб с яйцом, допил кофе, тщательно вытер рот салфеткой. За окном уже было светло и предельно ясно, что день в Тбилиси будет пасмурным.

Демна очень любил Тбилиси. Он родился в старейшей больнице грузинской столицы. "Ангел", – вздыхали медсестры. "Черт с ангельскими глазами", – кричала мать, успокаивая орущего ночами напролет младенца. Потом отец Демны сказал, что ночами не спят только будущие гении, а вскоре исчез из их жизни и из Тбилиси.

Демна, куда бы ни ездил, а благодаря маме он побывал во многих странах мира, всегда с удовольствием возвращался в родной город. Ему было не важно, кто возглавляет парламент или правительство страны, кто пишет законы, сколько бездомных живут в подземках столицы, сколько хамов ходят по улицам и сколько людей там убивают среди бела дня. Демна любил душу этого города, его атмосферу, его историю, характер. Поэтому по ночам он часто рисовал в своем большом альбоме проекты домов, зданий, мостов и музеев, которые, по его мнению, должны были продолжить подлинную жизнь Тбилиси. Это были дома с душой, с винтовыми лестницами и просторными балконами, здания с красивыми сводами, орнаментами и скульптурами, сооружения с оригинальными крышами и лестницами, причудливые мосты.

Это было мечтой Демны – строить Тбилиси и дарить новую жизнь этому городу. А его любимая девушка этого не оценила. И, заупрямившись, якобы, что тот не хочет "махнуть с ней в Прагу и учиться на дипломата", исчезла из его жизни, но не из сердца. Наверное, потому что была единственной, которая потревожила душевный покой этого далеко не глупого молодого мужчины.

Но Демна не унывал. Он понимал, что еще совсем молод, что у него вся жизнь впереди, а главное, что у него есть мечта, с которой по жизни идти всегда легче и круче. И все же эта просьба Зазы сводила его с ума. Чем бы ему заняться в последний день его жизни?

Мать. Первое, что он сделал – это пошел к ней. Высокая худощавая женщина с выжженными краской волосами и вечным загаром на лице и теле. Ее звали Марта. Она много курила, владела салоном красоты и была уверена, что карма ее жизни обогатится, если она каждое воскресенье будет делать добро хотя бы одному человеку на земле.

Вот и в это воскресенье она уселась с ногами на стуле за кухонным столом и начала думать, для кого бы стать Робин Гудом в юбке. Демна редко наносил ей визиты по воскресеньям, поэтому она была очень удивлена и почти обрадовалась вдруг возникшей мысли о том, что ее единственный сын, возможно, передумал и решил не жить в старой квартире ее родителей одному, а вернуться в ее новый дом. Тем более сейчас она вновь живет одна, без мужчины. Но Демна этого не сделал. Он просто приготовил ей завтрак, благо, в отличие от его собственного, холодильник Марты в этот день был полон свежих продуктов. Парень сел с ней поесть и попросил кое о чем:

– Мама, я хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя больше жизни. И если я когда-нибудь чем-нибудь тебя обидел, то прошу за это прощения. Но я также хочу сказать, что очень люблю себя и свою жизнь. И поэтому сделаю все, чтобы совершить в ней то, что я хочу и как я хочу.

– И? – Марта расширила глаза от удивления.

– Поэтому я прошу тебя дать мне адрес моего отца. И, пожалуйста, перестань его ругать. Не сегодня. Просто дай адрес.

– Но он живет в Канаде, и это очень далеко.

– Я знаю, где находится Канада. Не важно. Просто сделай, что я прошу.

Женщина, как сын, тщательно обтерла рот салфеткой и с тревогой посмотрела на него.

– Демна, ты в порядке? Сынок, ты не болен?

– Нет, мам, я в полном порядке, – Демна крепко обнял маму. Запах ее приторного парфюма всегда напоминал ему о беззаботном детстве. Потом он отнес грязную посуду на кухню и крикнул оттуда.

– Пришли адрес в Фейсбук-чат, ладно?

После этого разговора он отправился с мамой в зоопарк. Они смотрели на животных, ели сладкую вату, катались на чертовом колесе и вспоминали самые смешные ситуации из детства Демны. Марта наконец откровенно призналась, что очень любила его отца. Но даже в этой огромной любви согрешила, завязав интрижку с его другом. Мужчина не выдержал и решил обрубить концы. О том, почему отец не видел Демну все эти годы, Марта упорно молчала, а слезы мокрыми струйками увлажняли ее пунцовые от загара щеки. Демна не настаивал на правде. Марта и так призналась во многом. Остальное он решил выяснить сам.

После дня, проведенного с матерью, Демна написал последнее длинное письмо в Чехию, в котором подробно рассказал своей бывшей пассии, в чем она была не права в их отношениях. Провел почти два часа в бассейне, потом пригласил в кальянную двух близких друзей, а после отправился домой, переоделся в чистую одежду, взял со стола запечатанный конверт и отправился к дому Торнике.

Перед тем, как постучать в его дверь, Демна уже запланировал, что вечером заглянет в гости к одной своей давней знакомой, которая по воскресеньям часто дарила ему самые силь-

ные оргазмы, а после этого сядет на поезд и отправится в горы, где в старом домике живет его бабушка. В горах он всегда чувствовал себя иначе, спокойнее, свободнее и счастливее.

Первый сон Торнике. Очокочи. Любовь

"Иногда то, что есть и чего

не должно быть – это одно и то же".

Анна, фильм "Королева сердец"

Я сидел в лесу у догорающего огня, когда ужасный рокот Очокочи сотряс землю.

– "Вооооооооо!"

Точно, это был кошмарный голос того лесного чудовища, рыжего получеловека-полукозла из колыбельной, которую Зазына мать пела им с сестрой перед сном: "Очо, Очо, Очокочи! Не тревожь нас среди ночи! Лес твой дом, мы знаем это. Не казни нас, помни это!"

Через пять секунд рокот Очокочи повторился с новой силой. Я затрясся всем телом и поспешно потушил горящие угольки в огне, затоптав их ногами. Сел на корточки, закрыв уши ладонями. Наступила звенящая тишина. Вдруг с левого боку я ощутил горячее дыхание и сильный запах хвои. Я, как мог, зажмурил глаза. Холод и жуткий, неописуемый страх окутали меня своими влажными скользкими руками. Я не шевелился.

"Вооооооооо", – повторил Очокочи свой выкрик, только уже сзади, из-за моей спины.

И тут я бросился бежать. Колючие ветки, откуда ни возмись возникнувшие ветер и дождь плевали мне в лицо, упорно проникая в глаза, которые я держал плотно закрытыми.

Очокочи не двинулся с места. Я не видел его, но чувствовал, как метр за метром отдаляюсь от его огромного, вселяющего в меня вселенский ужас тела. Я бежал очень долго. Казалось, уже можно открывать глаза, опасность позади. Тогда я остановился и прислонился к ближайшему стволу дерева. Чудо, что я не столкнулся с каким-нибудь деревом лоб в лоб. Я открыл глаза и обомлел.

Очокочи стоял прямо передо мной. Вблизи он был очень большим и волосатым, с отливом мерзкой грязной ржавчины. Из его могучей морщинистой груди прямо в меня упирался странный тупой теплый горб. Из его огромных лап торчали грязные длинные когти буро-бордового цвета. Чудовище что-то прорычало то ли пастью, то ли этим противным горбом. Я поднял взгляд в его глаза и остолбенел. На меня смотрели потрясающе красивые глаза, будто плененные в этом омерзительном теле. Вдруг они потемнели, покрылись кровью и Очокочи завыл: "Вооооооооо".

От этого крика у меня подкосились ноги. Я свалился на какой-то куст и, не отрывая глаз от получеловека-полужверя, вновь зажмурился и начал тихо молиться: "Господи, это не правда. Господи, это сон. Он сейчас исчезнет. Господи, сделай так, чтобы я проснулся".

Тишина вновь заполнила пространство вокруг меня. Неожиданно я понял, что Очокочи меня не тронет. Я не охотник, не убивал обитателей его леса, не трогал природу, никак не провинился перед ним.

"Чего ты от меня хочешь?" – прошептал я, все еще валяясь там, где был.

"Вооооооооо", – продолжал сотрясать воздух Очокочи.

"Чего ты от меня хочешь, гадина?" – повторил я, вскочил с куста и широко открыл глаза. Очокочи стоял ко мне спиной. Его огромная массивная задница с понурым хвостом блестела потом и была грязная, как будто протаранила собой грязноты всего леса.

"Вооо", – уже тихо и как-то жалостно проблеял Очокочи и обернулся ко мне. Его очи вновь показались мне красивыми и по-особому печальными.

"Ты что-то хочешь мне сказать?" – я немного потянулся к нему, но его рога опять уперлись в меня, и я остановился.

"Воо", – выдавило из себя чудовище, и из его прекрасных глаз, как дождь, брызнули слезы.

И тут я вспомнил второй куплет колыбельной Зазыной матери: "Очо, Очо, Очочочи! Ткаши-мапу любит очень. А она его не любит. А она его погубит". Богиня Ткаши-мапа, по рассказам мамы Зазы, была повелительницей лесов и диких животных. Она жила на скалах и бесстыдно совращала охотников, наслаждаясь их плотью. Слишком болтливых из них превращала в черные камни-булыжники, а на их семьи насылала страшные беды. Зазына мать говорила, что Ткаши-мапа всю жизнь искала своего охотника, когда-то раз и навсегда поселившего в ее сердце огонь любви. У Ткаши-мапа были волнистые белые длинные волосы и темно-серые, как море, глаза. И в тот момент я увидел отражение этой богини в глазах Очочочи.

"Чем я могу помочь, если ты сам не добился ее любви? Чем, Очочочи???"

Очочочи, как контуженный, смотрел в мои глаза и молчал. В их отражении Ткаши-мапа вздыхала не по нему.

"Что поделаеть, зверь, увы, ты не ее охотник!" – взмолился я.

"Во", – только и ответил мне Очочочи и закрыл мне глаза своей мохнатой лапой.

Понедельник, 16 ноября, 2015

Мать. Пиросмани. Волна

*„Кто в себе не носит хаоса,
тот никогда не породит звезды“.
Фридрих Ницше*

– Я бы никогда не смог сделать больно моей матери, – Заза откинул темные волосы со лба и выпрямился в спине. – Да и ты, уверен, не смог бы.

– Сиди спокойно. Я не собираюсь рисовать тебя весь вечер.

Я поменял простой карандаш на более острый и принялся за Зазыно лицо. Выраженные скулы, прищуренные глаза, упрямое и немного самодовольное выражение лица.

– И я не говорю это, потому что обе наши матери мертвы. Типа о покойницах не говорят плохо. Я могу сказать о маме плохое. Ну как плохое... Иногда мне казалось, что у нее было биполярное расстройство. Но она это всегда настойчиво отрицала, запивая отрицание кучей таблеток.

Я молчал, тщательно выводя на бумаге его ноздри.

– Она могла днями не выходить из комнаты, часто быть в подавленном состоянии. У нее были постоянные перепады настроения. То она пела, то хохотала, то рыдала, то спала мертвецким сном. И все это могло с ней случиться за каких-то полчаса. Но я не донимал ее, потому что боялся, если это подтвердится диагнозом, я не успокоюсь, пока не сделаю себе все генетические анализы. Кажется, биполярка передается по генам.

– Кажется...

Я рисовал друга впервые. Заза уговаривал меня сделать это, наверное, целый год. Я посмотрел на двойника Зазы на бумаге. Оригинал показался мне задумчивее, чем копия.

– Кажется, любые генетические заболевания могут передаваться на генетическом уровне, – я постарался вывести Зазу из темных мыслей. Но он как будто слышал и не слышал меня. Он смотрел в какую-то точку, сквозь меня, сквозь мою комнату, сквозь дом, сквозь весь город.

– Однажды она рассказала мне, что как-то в детстве избивала нас с сестрой, – прервал молчание Заза. – Нам было где-то около двух-трех лет. Мы отказывались есть, спать, одним

словом, сильно действовали ей на нервы. А мама была сильно уставшей, не выспавшейся. И она побила нас. По губам, рукам, головам. Я ничего, обошлось, а у Руски на утро появились на лице и теле синяки. Мама тогда очень испугалась, что отец узнает и поколотит ее. Рассказывала, что дрожала, как осиновый лист. Хотя, насколько помню, папа не отличался таким нравом, никогда не поднимал руки ни на нас, ни на нее. Но она все равно солгала, что Русудан упала с лестницы. Не знаю, зачем она мне это рассказала потом. Наверное, за тот поступок ее всю жизнь изводило чувство вины. Но я даже тогда не ощутил к ней злости. Она – мать, она из-за нас и для нас перенесла и испытала многое. Ей было с нами тяжело. Нам, мужчинам, этого не понять. Скорее всего, это единственный человек в мире, к которому я ни при каких бы обстоятельствах не чувствовал злости. Ну еще Русо. Ты знаешь, она мое второе я.

– А к отцу? – я стер Зазыны губы и начал рисовать их заново. Верхняя его губа все время была немного более выпячена, чем нижняя.

– К отцу? Даже не знаю, что я к нему ощущаю... Но это точно не злоба.

– Обида?

Заза замолчал и прикусил изнутри левую щеку.

– Умеешь ты не в бровь, а в глаз.

Я молча пожал плечами.

– Только давай сейчас об этом не будем...

– А о чем?

– Хочешь расскажу, за что я ненавижу Грузию?

– Да ладно! И за что?

– За то, что она потеряла его могилу.

– Кого?

– Это так стыдно. Перед всем миром. Так стыдно, не знать, где похоронен такой гений.

– Кто, Заза? Кто?

– Послушай и сам угадаешь. Это был художник...

– Который превратил свою жизнь в цветы?..

– Тьфу, Ток, не будь пошлым. И я не так банален, как ты думаешь. Бери выше.

– Знаю я твои высоты...

– Ладно, слушай историю, а в конце угадывай, о ком речь. Идет?

– Ну давай, попробую, – сдался я и добавил. – Как будто у меня есть выбор.

Я почти закончил лицо Зазы и перешел на его туловище в кресле.

– Он выбрал в жизни путь скитальца, работал пастухом, торговцем, служащим железной дороги. Он был неучем и для многих просто неадекватом, даже психически нездоровым. Утверждал, что видит святых, которые рисуют его рукой. На его творчество и личность огромное влияние произвела встреча с Важа-Пшавела. А про него самого в грузинском кинематографе не снято ничего, кроме одной картины, одним из братьев Шенгелая. А это было еще в 1969 году. С тех пор ни один режиссер не захотел снять фильм про этого живописца, который после своей смерти прославил Грузию на весь мир.

Повисла тишина. Я закончил рисовать и покрыл мольберт бордовой материей.

– Ну и? – Заза выжидающе улыбался.

Улыбался и я.

– Во-первых, – начал я, – есть мнение, что его похоронили в общей могиле бедняков на Кукийском кладбище. Во-вторых, про него поле 69-го года сняли фильмы Лорткипанидзе и даже что-то там Параджанов. А, в-третьих, я уже его угадал. Это Нико Пиросмани.

– Не Нико, а Никала. Наш Никала, – Заза вскочил с места, подбежал ко мне, взъерошил мне волосы и сказал:

– Вот за это я тебя люблю, брат. Ты на моей волне, Ток. Мы на одной волне.

Тот портрет долго висел в комнате Зазы сначала в Тбилиси, а потом перекочевал в дом его отца, в Гурии.

Понедельник, 19 ноября, 2018

Уход Мзекалы. Гурия. Акакий.

“Единожды – все равно, что никогда”.

Милан Кундера “Невыносимая легкость бытия”

Невероятно, Заза умер, когда я был влюблен в Мзекалу, мою Мзе. Единственную девушку, которой удалось остаться со мной дольше, чем все предыдущие.

Дело не в том, что я был каким-то ярым бабником и менял девушек, как носки. Нет, я просто не мог найти ту, с которой мог посидеть в тишине. Все они говорили без умолку – о шмотках, бутиках, сериалах, шугаринге, сплетнях, мужчинах, подругах и скидках. А Мзекала в первый же день нашего знакомства дала понять, что с ней как интересно говорить, так и не скучно молчать.

Я даже полностью не испытал боли от потери друга, потому что душа была полностью погружена в эту Женщину Солнца¹. Конечно, когда мне сообщили о смерти Зазы, я был, мягко сказать, разбит, а честно – размазан по плоскости своей тупости, если можно так выразиться. Я, наверное, три дня был в полном ауте, какой-то прострации. Не пил, не ел, валялся дома, тупо уставившись в потолок, курил в темноте и думал о своей никчемности как друга, как брата, как близкого.

Я не мог поверить в то, что я мог так оплошать. Именно Мзекала тогда вытащила меня из этого болота моего же дурацкого промаха. Увезла в Европу, где мы с ней пробыли пару недель. А потом морской круиз. Когда мы вернулись в Грузию, помню, мы летали на парашюте, прыгали на багуде, в общем делали все то, что не делали раньше, искали пограничных ощущений что ли. В конце концов, Мзекала была первой девушкой, с которой я съехался.

Три года отношений, и вдруг бум! Мзекала рассталась со мной неделю назад. Я думал, что это шутка, думал, что задохнусь от боли или удушья. Как будто мне устроили мини-газовую камеру. Я все дни пропадал в спортзале, бегал на дорожке, как оголтелый, ходил на ночные сеансы в кинотеатр, читал до утра, напивался в стельку. Лишь бы не было ни минуты покоя, ни секунды мысли о девушке, которая чуть не стала моей женой. А Заза даже после своей смерти появлялся в моей жизни в самый подходящий момент, именно тогда, когда мне жутко одиноко и когда я остро нуждаюсь в дружеской поддержке.

Я вынес большой пакет с пустыми бутылками в мусорный контейнер во дворе и закурил. В кармане спортивных нащупал мобильный телефон и набрал номер напарника:

– Зура, ты сможешь заменить меня на недельку? Завалов вроде нет. Да и дедлайн нашего проекта пока не горит.

– Конечно, брат! А что случилось? Ты здоров?

– Да, да! Все окей! Просто дело одно появилось.

– Конечно, конечно! Накашидзе, но ты случайно не задумал ничего стремного? Слышь, твоя Мзекала того не стоит, поверь! Пора начать ее забывать.

Но начать забывать Мзекалу было очень непросто. Я, если честно, не понимал, как можно любить женщину, представлять ее спутницей своей жизни, а потом вдруг, упс, и все превращается в обман. Ты просыпаешься, как после кошмара, и понимаешь, вернее, насильно вдалбливаешь себе в мозг, что отныне, теперь ее любить не надо, нельзя, просто не стоит. Типа не твоя судьба. Более того: тебе надо постараться не вспоминать о ней, о ее волосах, коже, смехе, не замечать ее отсутствия. И жить дальше.

Я задумался – как забывают мужчин женщины?

Они практически демонстративно страдают, режут перед зеркалами и смартфонами, скачивают слюнявые мелодрамы, часами висят на телефоне в разговорах с подругами, много едят и пьют, становятся невыносимыми, жалкими и бесполезными. В сердцах женщин в отсутствии мужчины остается пустота. Зияющая, жуткая и пугающая. При этом она становится равносильна бессмысленности их существования. Некоторым из женщин удается ее заполнить – иногда другим мужчиной, иногда другим делом, успехом, автомобилем, квартирой, ребенком. А иногда не удается. И тогда это выглядит, как в большой комнате на встрече анонимных алкоголиков, когда один из зависимых не выдерживает и уходит с собрания бухать, а его стул остается пуст. Этот пустой стул протирают, с него сдувают пыль, его никто не занимает. Потому что каждая история бесценна, и ушедшему стало бы грустно, если бы его тут же заменили другим алкоголиком.

А как забывают женщин мужчины?

Они не забывают. Вернее, они яснее женщин понимают, что раз в жизни возникла несправедливая надобность расстаться, значит, так тому и быть. Ты, разумеется, можешь побиться за свою женщину, заказать ей сотню роз, обнулив свой месячный заработок, или заказать громкий фейерверк в небе перед офисом, где она работает. Но что ты получишь взамен? Пьяный звонок с корпоратива, запоздалое "прости" или еще хуже – тухлое "давай попробуем сначала"? "Сначала" звучит так вяло и оскорбительно, будто ты не способен на это с первого раза. Нет, раз она уже однажды решила от тебя уйти, значит, это, очевидно, не твоя женщина. И тогда ты немного или много выпьешь, или побьешь грушу, попропадаешь с друзьями или теми, кто назовется твоим другом в столь гребаный час, перевстречаешься со всей женской половиной своей телефонной книги. Но пустота не заполнится, никем и никогда. Это просто нереально, невысказано. А если так произошло, то женщина была не твоя. И, значит, твоя – либо в прошлом, либо в будущем. Ищи-свищи!

Но и это все ерунда. Потому что забывать человека – это значит вгонять в депрессию свой организм, зависящий от другого организма. Если ты ловкий парень, опытный доктор или просто смекалистый человек, то вперед: режь по мясу! А если нет, то вам туда, в сторону для слабонервных, нюни разводящих, слабых мужчин или женщин.

Разобраться бы, кто из них я и кто для меня Мзекала?

Я ехал в поезде по направлению к Натанеби и думал о нашем с Мзекалой последнем разговоре. Мзекала начала его очень странно. Она вообще все начинала странно – разговоры, отношения, ужины. В тот вечер она пришла с работы, не сняв с себя верхней одежды, села на диван в грязной обуви, что на нее было совсем не похоже. Даже не сняла с плеча ремень любимого кожаного рюкзака. Рыжие волосы сбились под зеленой шапкой и торчали в разные стороны.

– Нам надо поговорить, – коротко выдавила она.

Я взглянул на нее, прищурившись, и выпустил сигаретный дым из легких. Тут же суматошно попытался припомнить, что сомнительного могло произойти за последние несколько дней. Мзекала сняла шапку, и пахнувшая улицей с нотками ее парфюма огненная копна рассыпалась по плечам.

– Звучит, как фраза из глупой мелодрамы, – попытался пошутить я. Но червь сомнения упорно загрыз меня изнутри.

Мзекала сняла с плеча рюкзак. Я замолчал и потушил сигарету в стеклянной пепельнице на подоконнике. Тяжелая, любимая отцовская пепельница, которой можно разбить окно, телевизор, мамину картину с водопадом на стене, чью-то голову. Тут из открытого окна послышался громкий звук сирены: дети в очередной раз задели мячом стоящий под окном джип соседа Отара.

– Торнике, я не буду скрывать. Знаю, будет больно. Но лучше так.

Тут Мзекала замолчала и внимательно посмотрела на свою ладонь, как будто отыскивала в ее хрупких линиях какой-то важный знак, подсказку или глоток смелости для продолжения разговора. У нее были маленькие красивые руки, которые столько раз успокаивающе поглаживали мою шетину перед сном.

– Мне предложили практику в Польше, в Кракове. Сроком на десять месяцев. Может, год. И я согласилась. Краков – чудесный город. Кстати, ты знал, что там проходили съемки "Списка Шиндлера"?

Я выдохнул, но не сдвинулся с места. Шея затекла, я дотронулся до нее и стал разминать пальцами.

– Ты согласилась уехать на практику в Польшу, не обсудив это со мной? – я прислонился спиной к подоконнику, вцепившись в него сзади двумя руками. Казалось, затекает все тело, как будто заполняется едким газом, запах которого не предвещал ничего хорошего.

– Да, – в этот момент Мзекала впервые подняла на меня глаза. Я подумал, что совсем не узнаю ее лица, столь чужим оно мне показалось. – Но это еще не все.

Я почувствовал, как на затылке поднимаются волосы. А мою глотку словно сжала чья-то тяжелая рука. Я потянулся за пачкой сигарет на полке с книгами: Бродский, Галактион, Довлатов, Фрейд, Сэлинджер, Думбадзе, Эспиноса, Достоевский. Все они внимательно следили за развитием ситуации. Сигарета же упорно не хотела выскакивать из пачки. После третьей попытки я все же вытащил кривую сигарету, выпрямил ее, прикурил и глубоко затянулся.

– Токо, мы с тобой взрослые люди. Так что давай начистоту. Прости, но у меня уже нет к тебе тех чувств. И, думаю, нам не стоит тратить друг на друга время. У меня есть отличный шанс продвинуться по карьерной лестнице.

Я глубоко затянулся и опять потушил сигарету, запачкав пальцы в пепле.

– У тебя кто-то появился? – прямо спросил я.

Мзекала посмотрела на меня, как будто только что обнаружила меня в комнате. Клянусь, в тот момент я четко видел в ее глазах ответ.

– Нет, Ток, – вздохнула она. – Но может появиться, если мы так вот продолжим наши отношения. – Мзекала сняла с себя куртку и бережно положила ее на спинку дивана.

– "Вот так" – это как? – я присел к ней на диван и взял ее руки в свои. Они были холодны, как ледышки.

– Ты хочешь сказать, что ничего не замечал? За весь день ни звонка, ни сообщения. Все праздники на диване. Мы никуда не выходим, не целуемся, даже не говорим.

– Ты же знаешь, у меня много работы, – я отпустил ее руки.

– Не говори мне про это. Работа тут не при чем. Когда чувств нет, их нет. Хоть с работой, хоть без нее.

Я вскочил и глупо рассмеялся:

– Как нет чувств? Мзе! Я люблю тебя. Черт, я даже хотел сделать тебе на Новый год предложение.

– Так, как ты любишь, мне не надо, – Мзекала сняла ботинки и поставила их возле дивана.

– А как надо? – я устался на ее ноги в красных носках.

– Никак. Уже никак не надо. Не надо предложения, ничего не надо...

Она подогнула под себя ноги и спрятала их под сиреневый колючий клетчатый плед.

– Прости, я сильно замерзла. Отогреюсь и уйду.

"Отогреюсь и уйду?" Я не верил ее словам.

– Как уйдешь?

– Так уйду. Поживу две недели у родителей или сестры, а в пятницу рейс. Так будет лучше.

– Для кого лучше?

– Для нас обоих, Торнике. Какое-то время мы не будем видеть друг друга. Может, пройдет горечь, – она задержала дыхание и тут же выдохнула. – А когда вернусь, возможно, и продолжим общаться.

– Не гони чепуху, Мзе! Ты же знаешь, я не общаюсь с бывшими.

Она стремительно подняла на меня свои большие карие глаза, в которых я когда-то видел свое будущее, и серьезно посмотрела в мои. Я опустил взгляд.

– Прости, – буркнул я угрюмо.

– Да нет, все нормально. Вот видишь, ты уже привыкаешь.

Я закрыл окно, включил обогреватель и вновь присел с ней рядом.

– Мзе! Ты же знаешь, я никогда не морочил тебе голову. Да, я далеко не идеальный. Часто бываю невнимателен, может, холоден, неразговорчив. Тебе, может, показалось, что я заскучал. Но я тебя люблю. Жил бы я с тобой три года? Ответь честно: у тебя правда здесь ко мне ничего нет? – я слегка коснулся рукой ее кофточки на груди слева.

Мзекала немного поджала губы, потом опять расслабила и хмыкнула носом.

– Нет, Ток! Увы, нет. Я же не сразу так все сгоряча решила. Я сначала думала, что это сезонная хандра. Но потом, съездив с сестрой на море, поняла, что это не так. И даже после того я пыталась как-то вывести тебя на разговор. Повела на твой день рождения тебя в ресторан. А ты сидел там, как чурбан. Ел и пил. И ни одного ласкового слова.

– А если бы я говорил с тобой тогда весь ужин напролет и не отрывал от тебя глаз, что-то изменилось бы? – почти закричал я.

– Ты не такой, – Мзекала дотронулась до моей спортивки слева у груди. – И тут у тебя другая любовь.

– Не понимаю, но ты же любила меня такого все это время.

Мзекала жестоко направила свет своих карих глаз в мои.

– Теперь я уже в этом не уверена. Может быть, это был просто хороший секс...

Тут я почувствовал, что в горле запершило. Во дворе громко закричали дети – мяч попал в окно первого этажа, где жил сосед Отар. Я посмотрел на Мзекалу.

– Значит, ты спала со мной с мыслью, что скоро меня бросишь? – в животе у меня закололо.

Мзекала поправила свои непослушные волосы на лбу.

– Говорю же, я пыталась! Я пыталась, правда! Из всех сил пыталась! Но ты, наверное, не мой человек, если сейчас я ухожу. Если ты меня отпускаешь, Ток. Для меня же это тоже не так легко. Но мне иногда кажется, что я просто не у тебя в голове! Я ПРОСТО НЕ У ТЕБЯ В ГОЛОВЕ! Ты не думаешь обо мне, когда смотришь свой футбол, ты не помнишь обо мне в спортзале. Я ТИПА твоя девушка, и ты хотел бы сделать меня ТИПА своей женой. Но я хотела стать ТВОЕЙ женщиной. Чтобы ты без меня не мог, чтобы чувствовал, помнил и любил меня всегда. А не только пять минут перед сном, – Мзекала вытерла слезы, скатывающиеся с покрасневших глаз к уголкам ее пухлых губ, густо намазанных бордовой помадой.

– А теперь, пожалуйста, завари мне чай, и я пойду, – попросила она, всхлипывая.

Я сделал то, о чем она просила. А потом Мзекала, как в самом дурацком сне, который может присниться мне только под утро, допила чай, и я оставил ее на кухне. Не хотел прощаться, видеть, как она уходит. Я вытащил кошелек из кармана джинсов, висящих на стуле в спальне, и прямо в спортивном костюме вышел из дома.

Поезд резко затормозил на какой-то станции, и я больно стукнулся о стекло. Я вдруг вспомнил о Зазе и его квесте. После воспоминаний о Мзекале в этом вагоне все показалось мне настолько откровенной чушью, что я чуть не прыгнул с поезда и не зашагал по направлению к Тбилиси. Но тут ко мне сзади тихо обратилась старушенция с выцветшими бирюзовыми глазами:

– Сынок, не передашь мне сумку с полки? Это моя станция.

– Какая станция?

– Натанеби!

– Что?.. – просипел я, как в бреду.

– Не можешь ли передать старухе сумку с полки? Мне сходить на станции Натанеби.

– А что, это уже скоро? – удивился я.

– Да вот же Натанеби смотрит на нас!

Я посмотрел вперед. Действительно, на нас смотрело село Натанеби. Заза рассказывал мне легенду о названии этого места. Предание, пусть и не самое правдоподобное, гласит, что как-то в этот край приплыл на корабле не кто иной, как сам Христофор Колумб, который позвал местных жителей с собой открывать Америку. Жители отрицательно закивали головами. Кто сослался на коз некормленных, кто – на мужей, кто – на детей. А пышногрудая красавица Ната вызвалась плыть с будущей легендой. Она смело выбежала из толпы зевак и в предвкушении головокружительных приключений, наплевав на все, запрыгнула на корабль Колумба. Все бы хорошо, но муж Наты остался стоять в недоумении. То ли плакать, то ли молить о возвращении, не знает. Только вроде кинулся он за женой, а гордая толпа встала стеной, молвит: оставь ее, она же по своей воле ушла. А, как известно, "воля" звучит на грузинском, как "неба". Вот и назвали деревню Натанеби – от имени "Ната" и слова "воля".

– Подай сумку-у-у-у... – протяжно хрипя, вернула меня в сознание старушка.

Я спохватился и подал старушке сумку. Кстати, она, в свою очередь, тоже оказалась мне полезной. Более того, случилось почти чудо: старуха была не просто старухой, а соседкой отца Зазы. Мир маленький, а Грузия и того меньше. И каково же было мое удивление, когда я узнал, что Акакий Сария в Натанеби – личность почти такая же знаменитая, как Колумб.

Дело в том, что Акакий Сария был садовником, но садовником не простым, а любимым садовником в резиденции одного известного грузинского миллионера Эрмало Акубардия. Акубардия собрал свое несметное богатство на торговле мобильными телефонами. Это было еще на заре развития технологий и коммуникаций в Грузии. А в Натанеби у миллионера была роскошная вилла (ее называли резиденцией), где он скрашивал и без того беззаботные вечера в красоте своего дивного сада. Хозяином, знатоком каждого дерева и каждого слоя почвы в этом раю был Акакий, Како, как называл его богач. Местные жители недолюбливали Акакия Сария за то, что он идеально устроился и считался самым незаменимым человеком в окружении Акубардия. У самого же Како было все, о чем мог мечтать любой житель этого края: прекрасный дом, колодец, огород, а кто-то говорил, что и чудные плантации растений сомнительного происхождения, одинаково приводившие в восторг не только богачей, но и бедняков. Одним словом, в Натанеби Како был фигурой неоднозначной. Ему завидовали, его ненавидели, у него брали в долг, ему жаловались на судьбу. Но сказать, что Акакий Сария был человеком плохим, никто не мог. Он помогал нуждающимся, выручал попавших в беду. Правда, о личной жизни Како никто толком ничего не знал. Мужчина давно жил один, но и одинок при этом не был. Короче, Како был для Натанеби сплошной тайной.

Поэтому старушка из поезда не выпускала моего рукава пальто из своих цепких рук, пока не выложила об Акакии Сария все, что могла и не могла знать.

– Но он не плохой, этот Како. Когда я слегла с вирусной инфекцией, угрозидло заразиться от внуков, он меня навещал каждый вечер. Приносил свои настойки, крепкие, как коньяк, и горячие, как огонь. Выпью их, уххх, морщусь, а горло и желудок согреваются! Како смеется, черт белозубый, а мне на утро лучше, а на второй день бегала, как шакал. Он сам их делал, ингредиенты – секрет фирмы Сария, сказал. Про него многое говорят. Недавно слышала, что в конце каждого месяца Како своего Эрмало гипнотизирует и тот ему под гипнозом в десять раз больше его заработной платы садовника дает. И что все женщины в резиденции Акубардия становятся женщинами Сария по одному его взгляду. Мне то что, пусть и так... Просто интересно, как он это делает...

Так в разговорах об Акакии Сария мы ковыляли к его дому. Дорога, по которой мы шли, была на удивление чистой. По ее бокам зияли узкие канавки – в них росла трава и струилась вода. Старушка была маленького роста, поэтому мне все время приходилось немного наклоняться к ней левым боком.

Отец Зазы как будто возник перед нами из-под земли в до блеска начищенных черных сапогах.

– Марго, все в порядке? Кто этот молодой человек?

Акакий Сария внимательно рассматривал мое пальто, изучая многодневную щетину и шевелюру. Стричься я ходил раз в месяц к сестре Мзекалы, которая работала в одном из салонов красоты в Ваке². Теперь придется сменить мастера.

– Что ты, Како! Наоборот! Этот молодой человек помог мне выбраться из поезда, – старушка поправила волосы под платком. – И, кстати, тут он совсем не из-за меня. А по твою душу!

Старушка подмигнула мужчине. Но он не заметил этого, потому что, не отрывая глаз, изучал мою персону.

– Здравствуй, молодой человек! – он обтер руку о брюки и подал ее мне.

– Здравствуйте, батано Акакий! – я крепко пожал ее. Рука была абсолютно чистой, теплой и крупной. Да и сам Акакий Сария был внушительной комплекции. Я всегда представлял его более щуплым и не настолько высоким. Заза был ростом 1.85, а он добрых два метра точно.

– Я друг Зазы, Торнике, – выдавил я.

– Ах, Торнике! Это ты? Заза прожужжал мне о тебе все уши!

– Когда прожужжал? – я напрягся.

Акакий Сария кашлянул и потупил тускло-голубые глаза, как будто припоминая что-то.

– Кажется, пару-тройку лет назад вы неплохо с ним повеселились летом. Не так ли? Или это не ты был с ним в Аджарии³?

– Да, это был я. Я просто не знал, что Заза рассказывал вам обо мне.

– Еще как! Он говорил о тебе ночи напролет. После Аджарии он провел у меня целый месяц осенью. А потом махнул туда...

Мужчина погрузился и вытащил из кармана пачку сигарет. Не сразу сумев вытащить из нее сигарету, он прикурил ее красивой гравированной зажигалкой.

– Мне очень жаль, батано Акакий! Я не смог приехать на похороны... – начал было я.

– Чьи похороны, сынок? – мужчина затаился и серьезно посмотрел на меня.

Я осекся. Тут старушка влезла в разговор:

– Ну ладно, Како, я пошла. Поросят надо кормить. Да и вы, я вижу, нашли общий язык.

Акакий нехотя махнул ей вслед рукой, продолжая внимательно смотреть на меня и дымя сигаретой:

– Кто-то умер, Торнике? – его голос прозвучал, как в огромной доверху заполненной паром бане, в которой я стоял одетым, в толстом пальто и под горячим душем.

Я вытер выступивший на лбу пот и заглянул в его глаза. Заза рассказывал, что отец бросил их с матерью и сестрой, когда им было по тринадцать лет. Как раз в то время он стал часто просыпаться по ночам. А навестить отца Заза решил только после смерти мамы, на их с сестрой 18-летие. С тех пор он проводил в доме отца в Гурии ровно один месяц в году. Чаще всего в сентябре или октябре. Вместе они охотились, собирали виноград, орехи, поливали огород, достраивали и облагораживали дом, занимались хозяйством.

– Торнике, сынок, тебе не плохо? – отец Зазы, нахмурившись, сверлил меня взглядом.

У меня сильно пересохло во рту, и сердце опять медленно, как вчера, забилося. Я попытался собраться с силами, чтобы не рухнуть на землю, и из последних сил проговорил:

– Мне нехорошо, батано Акакий. В купе поезда всю дорогу было очень душно.

Сария-старший мгновенно выбросил сигарету под ноги и схватил меня под плечи.

– Понимаю, наши поезда оставляют желать лучшего. Но про какие похороны ты говорил, сынок? Я ничего не понимаю... – он продолжал буравить меня своими тускло-голубыми глазами.

Я выдал что-то типа усмешки.

– Простите, батона Акакий, я боюсь потерять сознание и несу какую-то чепуху. Можно войти в дом и прилечь? – я пытался не смотреть на его вопрошающие глаза.

– Конечно, конечно, Торнике. Извини, что сразу не предложил. А Заза не с тобой? Он обещал скоро появиться у меня...

Я сильно потер пальцами глаза и оперся на крепкие руки отца Зазы. Акакий Сария уложил меня на кушетку. Прямо передо мной был огромный камин, построенный в современном стиле, каким-то красивым мраморным камнем с отливом спелой вишни. В нем успокаивающе потрескивали угли. Акакий быстро и бережно стянул с меня пальто и ботинки и прикрыл ноги покрывалом. Я забрался в кушетку с ногами поглубже и уставился на огонь.

Дом внутри оказался очень просторным. И если снаружи это была простая сельская хибарка, то внутренняя атмосфера жилища говорила о богатом внутреннем мире хозяина. В каждой вещи, предмете мебели или декоре чувствовался безупречный вкус.

– Сынок, ты меня здорово напугал. Сначала нес что-то про похороны, потом чуть в обморок не рухнул. Сейчас тебе лучше? – он опять внимательно, почти по-отечески стал изучать мое лицо.

Мне очень не хотелось врать ему, но другого выхода Заза мне не оставил.

– Давление, наверное, упало. У меня такое бывает после усталости. Последнее время почти не сплю.

Я стал перебирать пальцами бахрому покрывала.

– А, может, вина? У меня есть отличное черное вино. Оно вмиг поднимет давление. Налить чуть-чуть? Не отказывай старику.

Я быстро кивнул, и Акакий исчез из комнаты.

"Черт, что я здесь делаю? Заза, я тебя убью!" – сказал я и вдруг почувствовал, что ком в горле, который появился там с начала разговора с Зазыным отцом, взорвется раскатами рыдания. Черт, и это тут же случилось. Я разрыдался. Громко и отрывисто. Я не мог рыдать тише или остановить плач. Накаты всхлипываний и слез катились из меня с какой-то невероятной силой. Я вдруг осознал, что мне очень не хватает тут Зазы. Именно здесь, в этой комнате, перед этим камином, который, наверняка, построил для отца именно он. Мне так захотелось, чтобы Заза появился здесь, шумно хлопнул дверью и сказал привычное: "Токо, брат! И ты здесь?!" Ведь это был его отец, его дом, его история, но уже без него. Но вот только почему отец Зазы не знает о его смерти?

Акакий выбежал на мое рыдание из кухни.

– Сынок, что случилось? Ты что? Торнике! – он бросился ко мне и неуклюже крепко обнял меня. От него пахло вином и бутербродами. Я присел на кушетке и плакал с ним в обнимку добрых пять минут. Акакий Сария, как ребенка, постукивал меня по спине своей большой рукой и шептал:

– Успокойся, сынок! Что бы ни случилось, все будет в порядке! Главное, ты жив и здоров! А если хочешь, поплачь, поплачь, раз тебе так горько. Не стесняйся. Плачь, – он гладил меня по волосам и немного раскачивал.

Я никогда бы не подумал, что мог попасть в такую неловкую ситуацию: плакать в объятиях незнакомого мне мужчины. Но понемногу мои рыдания отступали. Я вытер мокрое лицо рукой.

– Это из-за женщины? – Акакий Сария вдруг опять внимательно заглянул в мои глаза.

Я ужасно смутился и попробовал глубоко вздохнуть.

– Сынок, не знаю, говорил ли тебе Заза, но я ведь оставил маму Зазы, пришлось. И знаешь почему?

Я промолчал.

– Она была фригидной. Милая и стройная девушка по имени Эка, для меня просто Эка, которую мне сосватали всем селом, абсолютно не понимала значения сексуальной составляющей в браке. Я знаю, нельзя говорить плохо об ушедших, но я по-другому не могу. Она или не соглашалась на близость со мной, а, если соглашалась, то лучше бы не делала этого. И поэтому я мечтал о близости с любой женщиной, которая мне улыбалась. А тогда я только начинал работать на грузовике – привозил из деревни в город фрукты, кукурузу и овощи. Целыми днями был на колесах, мотался по регионам. И часто погуливал, не скрою. Но Тина... Тина – это было нечто. Она работала официанткой в одной столовой, где я часто обедал.

Мужчина светло улыбнулся своим мыслям и подкинул в камин сырых дров. Огонь помутнел, как будто ему чем-то не понравилась сырая древесина, и грозно затрещал.

– Мы переспали с ней в первую же встречу после того, как я сводил ее в приличный ресторан. И, знаешь, я ни разу не подумал о ней плохо. Потому что то, что делала со мной в постели она, сынок, это было достойно уважения, а не порицания. Она была моим ангелом.

Вытащив из угла комнаты кочергу, Акакий Сария подправил дрова в огне и вернулся к кушетке. Огонь стал ярче и добрее.

– После той ночи я начал встречаться с ней регулярно. Два-три раза в неделю. А иногда ездил к ней среди ночи. Просто потому, что хотел уснуть в ее объятиях. Я до сих пор помню запах ее тела. Конечно, после Тины я не мог спать со своей женой. Это было выше моих сил. Я прожил с Тиной всего два с половиной года. И это были лучшие 30 месяцев в моей жизни.

– А где она сейчас? – спросил я его еще охрипшим от рыданий голосом.

– Инфаркт. Оказывается, у нее с детства было больное сердце. Наверное, поэтому она так спешила жить.

Я снова замолчал и уставился на огонь. Акакий, увидев, что я успокоился, вновь тихо выскользнул из комнаты и вернулся с маленьким подносом. На нем были бокал вина и три бутерброда на блюде, а еще пахучий сыр, оливки и нарезанные ароматные помидоры. Я вновь удивился: бокал был как из дорогого европейского ресторана.

– Откуда у вас такие дорогие бокалы? Да и камин построен по самой последней моде.

Тут Сария-старший расхохотался, как Бог. Так сказала бы моя бывшая. В отражении огня его тускло-голубые глаза превратились в сверкающие синие.

– Так это все Заза! Да-да, Заза, мой сынок... – сказал Сария, подошел к комоду и включил на нем старый проигрыватель, сдув с него пыль. Заиграла пластинка, какая-то старая американская джазовая классика. – Этот камин он построил пять лет назад. Сам привез мастеров из города, весь материал притащил, сам процессом руководил. И, видишь, какая красота получилась. И эти бокалы мне прислал на день рожденья тоже он. Он вообще старается приобщать меня к красивой жизни и эстетическому комфорту. Он именно так мне говорит. "Отец, в твоём доме не хватает эстетического комфорта!" Представляешь?

– Это так похоже на Зазу! – сказал я и тоже сделал попытку рассмеяться. И вроде получилось. После горьких слез смеяться было особенно приятно.

– Так выпьем же за Зазу! Негодяй, последние три года только письма пишет! Слишком занят стал, понимаешь! Господин сценарист, ага, как же! Слышал?

– Да, он мне писал...

В ту ночь я долго не мог уснуть. В уме, как киноленту, крутил кадры нашего с Зазой знакомства. Это произошло в секции по плаванию. У нас оказался общий тренер. Помню, на Зазе были плавки с флагом Канады. Он стоял возле меня и, как всегда, широко улыбался. Нам было всего по четырнадцать лет. Но самое интересное случилось потом. Вечером того же дня мы встретились в церковном хоре. До сих пор не пойму, как он туда попал.

С тех пор мы с Зазой крепко сдружились. Первые сигареты, первая выпивка, первые девушки. Заза с сестрой даже перешли в мою школу, но учились на год старше, потому что мама их отдала в первый класс в пять лет.

Заза всегда стремился проводить со мной много времени. И несмотря на то, что сам был откровенным красавцем, восхищался мной. В разговорах с друзьями он всегда отмечал во мне мои лучшие стороны, хотя их было не так уж много. Я хорошо плавал, неплохо пел вторым голосом в церковном хоре, немного рисовал, обожал решать математические задачи. Но я всегда был замкнут, а Заза, наоборот, маняще открыт. Я не о многом мечтал, мой друг же хотел покорить мир.

Заза пользовался огромной популярностью у девушек. Хотя в этом плане у нас часто случалась странная закономерность: в Зазу влюблялась какая-то девушка, он с ней гулял пару раз, а потом терял интерес. Бедняжка обращалась за помощью ко мне, я ее успокаивал, и она влюблялась в меня, а через некоторое время Заза с умным видом по пунктам давал мне советы, как от нее избавиться.

Через три года Заза с мамой и сестрой Русудан эмигрировали в Торонто. Для меня отъезд Зазы был очень неожиданным. В семнадцать лет я остался без лучшего друга. Хотя Заза часто присылал мне электронные письма, рассказывал о жизни в Канаде, о своих новых друзьях по плавательной секции, о том, что планирует поступать на режиссуру.

Но через год, когда Зазе с Русудан исполнилось по 18 лет, их мама умерла. Несчастный случай. Заза с сестрой вернулись в Грузию. За ними стала присматривать родная сестра их матери Натия. Но с тех пор мы с Зазой почему-то отдалились друг от друга. Я поступил в художественную академию, Заза – на режиссерский. Мы практически не виделись. А потом Заза вдруг серьезно сблизился со своим отцом.

Правда, в конце 2015 года мы неожиданно вновь стали общаться и даже все лето отлично провели вместе. Как-то в конце мая Заза заявился на порог моего дома и сказал, что у него есть для меня прекрасное предложение. Его знакомые открыли в Кобулети ночной бар и попросили Зазу заняться его раскруткой. Я тогда как раз уволился с работы в одной рекламной конторе и взял тайм-аут. Так что мы отправились с Зазой в Кобулету, поселились в уютном местечке на берегу моря и начали думать, как бы заманить в клуб побольше народу. Я занялся разрисовкой стен, разработкой интерьера. И так вошел в раж, что сделал из этого заведения по-настоящему фантастическое место. А Заза взял на себя рекламу в соцсетях и флайеры. Мы разъезжали по всей Аджарии, зазывая народ в наш клуб. А параллельно на полную катушку веселились. Действительно, как писал Заза, это лето было самым запоминающимся в нашей жизни.

Я покинул дом Акакия Сария ранним утром следующего дня. Он заказал мне такси, которое долго сигнаило у его дома в половине седьмого. "Эстетический комфорт!" – многозначительно повторил отец Зазы и услужливо открыл мне дверь автомобиля. Я уселся в удобный салон мерседеса и положил рядом гостинцы, которые всучил мне батони Акакий: бутылку черного вина для "хорошего давления", немного лобии и орехов. Несмотря на мое отнекивание Акакий Сария передал водителю деньги. Прикрывая дверь, он на миг остановился.

– Торнике, сынок, а ты просто так ко мне зашел? Или, может, Заза что передавал мне?

Я посмотрел в его опять по-утреннему тускло-голубые глаза и сказал правду:

– Он передал вам привет!

Вторник, 21 июля, 2015

Маяк. Выстрел за выстрел. Выбор

"Когда у тебя не остается выбора – будь отважным".

Еврейская пословица

Мы с Зазой стояли у маяка, в Батуми. Он появился здесь во второй половине XIX века, во время османского правления. Смотритель маяка рассказывал, что изначально он был деревянный и к его строительству приложили руки парижские мастера. В начале XX столетия маяк обзавелся мощным освещением.

– И, знаете, что самое интересное? – смотритель заговорщически округлил глаза. – Раньше свет маяка был белый, а сейчас он светит, как лепестками роз.

И правда, свет маяка бросал мягкий красный свет. Мы внимательно слушали смотрителя. Тот курил настоящую трубку и много кашлял.

– Вы мне нравитесь, ребята! – сощурился мужчина. – Поэтому я расскажу главную тайну этого маяка. Готовы? – мужчина немного наклонился к нам. От него пахло крепким табаком.

Мы в знак согласия развели руками.

– Это тайна первого смотрителя маяка. Его звали Михаил Ставракис. История гласит, что он был виновником смерти лейтенанта Петра Шмидта. А вот, что произошло на самом деле. Ставракис и Шмидт были ровесниками и кадетами морского корпуса. Вроде дружили. Вскоре оба стали мичманами. Но потом будто черная кошка пробежала между ними.

Смотритель резко замолчал. Казалось, он закончил свой рассказ или просто передумал открывать завесу тайны своего предшественника.

– Жизнь, хитрая штука, столкнула их, только когда расстреливали очаковцев в начале XX столетия. Именно там Ставракис расстрелял Шмидта. Это произошло на острове Березань, в Черном море.

– За что? – спросил Заза тихо.

Мужчина выдохнул дым.

– Ставракис к тому времени уже был капитаном в отставке, а Шмидт – революционером.

– И что потом? – теперь заинтересовался я.

– Что потом? Потом Ставракис стал смотрителем этого маяка. И не боялся ни за свой поступок, ни за свою фамилию, тогда ведь всюду бушевали большевики. Наоборот, он даже в местных газетах под своим именем публиковался, что-то там писал... Но судьба – она не дура. В конце жизни Ставракис все-таки оказался в тюрьме.

– Сколько дали? – не унимался Заза.

– Смеешься? Расстрел! А ведь был он мужиком незаурядным, сильным, харизматичным.

Тут он вновь замолчал. Вечерело. Мы долго упрашивали подняться на маяк. Смотритель немного ломался, но потом пустил, за бутылку пива.

Уже поднявшись на маяк и внимательно всмотревшись в мутную даль, Заза спросил меня.

– Думаешь, это правда?

– Что?

– Что тот грек шлепнул того немца?

Красные следы чертили в море неведомые людям чертежи.

– Мне кажется, у него не было выбора.

– Какого выбора?

– Стрелять или нет. Ему просто приказали это сделать.

– То есть ты на стороне грека? – Заза шмыгнул носом.

– Я ни на чьей стороне. Да и он поплатился за свой поступок сполна. Выстрел за выстрел, смерть за смерть.

Заза задумчиво всмотрелся в море. Его глаза внимательно шерстили горизонт.

– Думаю, он каждый вечер стоял здесь и вспоминал лицо Шмидта, – сказал Заза. – И, знаешь, мне кажется, как все было? Все отказались, все отказались убивать Шмидта, кроме Ставракиса. Он сказал, я сделаю это. Взял револьвер, подошел к немцу вплотную, но когда увидел смелое, почти каменного цвета лицо Шмидта и вспомнил дружбу, молодость, то сник,

как увядший цветок. Шмидт ждал выстрела, а Ставракис упал ему в ноги, рыдал и вымаливал у него прощения.

Я посмотрел на профиль Зазы. На минуту мне показалось, что его глаза светились красным светом.

– И что потом?

– Шмидт был неумолим. Он сказал бывшему товарищу встать, утереть сопли и стрелять в него в упор. И Ставракис выполнил его приказ, – Заза немного помолчал и продолжил. – И с того дня он каждую ночь видел лицо Шмидта и его голубые глаза, ждавшие смерти как искупления. И потом, перед своим расстрелом, он вел себя так, будто так и надо, понимая, что заслужил такой финал. И никто не мог понять поведения смотрителя маяка. С тех пор он стал легендой.

Ночь темным покрывалом укрыла Батуми и зажгла красивые огни.

– Откуда ты все это взял? Море рассказало?

Заза красиво усмехнулся.

– Может, и море. А может, где-то прочитал. Не помню...

Когда мы спустились с маяка, небо было в алмазах. А по морю, как рубиновый призрак, гулял свет маяка, хранящего тайну своего зрителя.

Вторник, 21 июля, 2015

Мзекала. Маг. Двое

*“Есть что-то трагичное в дружбе,
окрашенной цветом влюбленности”.*

Оскар Уайльд

Мзекала была в очереди третьей. У мага в комнате сидела какая-то молодая девушка с синими заплаканными глазами, густо накрашенными тушью. Ресницы, как плавники какой-то чудной рыбы, опускались на ее скулы и поднимались. Девушка иногда всхлипывала, неловко поправляя белую нарядную блузку, то долго, задумавшись, смотрела на свой облупленный черный маникюр. Снаружи ждали мать с ребенком и мужчина с женой, с головы до ног покрытой черным платком.

Вдруг из дома тихо вышла маленькая блондинка с милой внешностью и приветливым лицом. В руках у нее был большой блокнот с ручкой. Она сначала подошла к матери с сыном, записала имя и возраст ребенка и что-то проговорила в утешение обеспокоенной женщине. Потом обратилась к мужчине, который, тыкая в блокнот указательным пальцем, назвал имя и дату рождения супруги, всей закутанной в платок.

– Севда, 16 лет. Сами посчитайте, какого года рождения, – женщина в платке обреченно отвела взгляд в сторону.

Последней маленькая женщина подошла к Мзекале.

– Как вас зовут, калбатано⁴? – спросила она.

– Мзекала, – тихо выговорила девушка и внимательно всмотрелась в блокнот с записями.

– Сколько вам лет, дорогая?

– 27 полных лет.

– Проблема?

– Я бы не хотела говорить об этом здесь...

Женщина вздохнула и коснулась плеча Мзекалы.

– У нас тут все с проблемами. У кого пострашней, – она посмотрела в сторону отчаявшейся матери. – У кого полегче. Но всем одинаково нужна помощь. Все за ней пришли к Магу.

Мзекала несколько секунд помялась и неохотно выдавила:

– Это по поводу мужчины.

– Все понятно! Материалы с собой?

Мзекала еле заметно кивнула.

– Ок! Ждите. Скоро Маг вас примет.

Перед Мзе стояла, что называется хибара, с земляным полом. Синяя деревянная дверь в форме неровной арки, с переливающейся на солнце лиловой занавеской. У входа в дом стоял большой вентилятор, разгоняющий мух и дарящий хоть какую-то прохладу многочисленным гостям. По бокам можно было увидеть десятки больших и маленьких разноцветных горшков с диковинными цветами. Мзекалу позабавило такое разнообразие горшков. Фиолетовые, розовые, голубые, красные, коричневые, салатные и лиловые горшки, а в них удивительные цветы неизвестного вида.

Позади Мзекалы была какая-то пристройка с маленьким окном и дверью, а по бокам разбит большой сад – с клумбами, зеленью, местами на грядках можно было заметить даже помидоры и огурцы.

Вскоре из комнаты Мага вышла молодая женщина. Она казалось немного заплаканной, но при этом очень довольной. На выходе она сняла с ног черные тапочки, переобулась в свои сандалии на каблуках, поправила платье, прическу, в зеркальце, которое она наспех достала из сумки, быстро подвела помадой губы и вскоре через сад покинула дом Мага.

Помощница подошла к матери с сыном, прошептала что-то на ухо, всучила ей в руки баночку с какой-то жидкостью и тоже выпроводила домой. К Магу вошли мужчина с женой, а маленькая женщина осталась у входа.

Мзекала огляделась и приветливо сказала:

– Какие красивые цветы в горшках. И так много. Маг любит цветы?

Маленькая женщина усмехнулась и провела по волосам, откидывая их с красивого белого лба.

– Он разводит их. Это его страсть. Все состояние тратит на редкие сорта. Вы еще внутри не видели и там, в отдалении в саду. Пойдемте, покажу.

Маленькая женщина, не дав Мзекале подумать над приглашением, взяла ее за руку и провела вглубь сада. Они шли рядом, как подруги детства: маленькая женщина, живущая в доме Мага, и высокая стройная Мзекала, пришедшая к Магу за помощью. В глубине сада их встретила целая оранжерея прекрасных цветов. Но больше, чем их изумительный вид, Мзекалу поразил их аромат. Он, как афродизиак, возбуждал в ней какие-то странные воспоминания и мысли.

– Что за чудные ароматы? – спросила она маленькую женщину.

– В этом вся и суть. После кратковременной жизни эти красивые цветы Маг превращает в волнительные ароматы. А масла из них помогают многим в личных делах. Мне, например, масло вон из того красного цветка, знаешь, в чем помогло?

– В чем? – Мзекала посмотрела на большой красный бутон.

– Я родила дочку, красивую, как этот цветок.

– А где она? Живет с вами?

Женщина немного замялась и промолвила:

– Уже отдала замуж. Девушки нашей национальности рано выходят замуж. Моей было всего 15, когда она понравилась одному нашему гостю. Говорил, что влюбился в нее с первого взгляда и навсегда. Осыпал ее несметными богатствами. А я молила его позволить ей закончить среднюю школу. Не дал. Украл ее прошлой осенью. А сейчас она уже ждет сына.

Мзекала задумалась, глядя на кроткое лицо маленькой женщины.

– Дети – цветы жизни. Но как же трудно с ними расставаться...

В этот момент издали прозвучал еле слышимый колокольчик. Женщина прошептала:

– Маг освободился. Пойдем.

Мзекала, не отпуская рук маленькой женщины из своих, спросила ее:

– А кто отец твоей дочери? Маг?

Женщина тихо рассмеялась:

– Нет, что ты? То был мой троюродный брат. У меня своя судьба, у Мага своя. Он выбрал жизненный путь – помогать людям. Своей семьи у него нет. Хотя он очень, очень любит жизнь. Знаешь, какой он крутой сёрфер?! Он, знаешь, сколько путешествует по миру? Но в семье не видит своего предназначения, только в помощи людям. Пойдем скорее. Нельзя заставлять его ждать!

Маг показался Мзекале на удивление молодым. Он сидел босиком на полу в позе лотоса, но было заметно, что мужчина высок и строен. Он был лыс и с серьгой в правом ухе. Шею с правого бока покрывала татуировка летающего дракона. На Маге была свободная серая футболка, синие парусиновые легкие штаны. Из аксессуаров – на руках кожаные браслеты, на груди кулон в виде зуба какого-то млекопитающего или крупного животного. Лицо Мага смуглое, немного удлинненное, гладко выбритое, лишь на бороде островок щетины. Определить, сколько лет мужчине, было невозможно.

Он предложил Мзекале присесть напротив него, прямо на пол. Удобно усевшись на коврик, девушка не сводила с Мага глаз.

– Рассказывай, – прозвучал спокойный голос Мага.

– Не знаю, с чего начать... – Мзекала сложила руки в замок.

– С самого начала, – подсказал мужчина.

Мзекала кивнула и начала.

– Я встретила его в августе и сразу поняла, что хочу быть его девушкой. Но ему нравятся другие девушки, наверное... Потому что вроде бы как он мною заинтересован, но в то же время не очень... А я уже начинаю страдать и идти на всякие ухищрения, чтобы заполучить его внимание. А хотелось бы не только внимания, но и обожания.

– Опиши его! – все тем же тихим тембром обратился к Мзекале Маг.

Она быстро вытащила из заднего кармана джинсов фотографию и протянула ее мужчине. Указала на него на снимке. Маг внимательно взглянул на фото и повторил свою просьбу:

– Опиши его!

– Ну он художник, дизайнер, графический. Работает. Единственный сын в семье. Не богат, но на жизнь зарабатывает. Любит готовить еду, читать книги, смотреть сериалы, кажется, прилично знает французский...

– Кажется?

– Да, я как-то слышала, как он говорил на французском с клиентом, – замахала рыжей гривой Мзекала.

– Продолжай!

– Ну он очень добр, отзывчив, любит посмеяться, хотя немного скрытен. Больше предпочитает тишину, чем шум. Большие компании – это не его стихия. Впрочем, очень любит музыку, особенно классическую – там, оперы всякие... Немного ленив, часто раздражен...

– Почему он тебе понравился?

Мзекала задумалась. Вдруг на ее красивом лице появилась непонятная улыбка. Маг поднял одну бровь вверх.

– Вы будете смеяться, но, наверное, потому что он не обратил на меня внимания с самого начала.

– А сейчас?

– Сейчас мы вроде вместе, но как будто на разных планетах.

– Мужчины и женщины вообще с разных планет, Мзекала... – Маг откашлялся и вновь взглянул на фотографию.

– А кто этот человек рядом с ним?

Мзекала помрачнела, немного скорчила свои красиво покрашенные губы и промолвила:

– В нем-то и проблема. Это Заза, его друг. И он имеет над ним сильную власть.

– Власть какого рода?

– Как бы яснее выразиться: он его любит. Как друга, как брата, как даже не знаю кого...

Любое предложение Зазы, и Торнике согласен. Они куда-то едут, идут, что-то делают вместе. Неважно – завтракают, обедают, ужинают, плавают, шатаются по городу, по каким-то делам. Все время вместе. А когда не вместе, то Заза часто ему звонит, пишет. А если нет, то Торнике постоянно о нем говорит. В этой странной дружбе для меня просто места не остается...

Маг внимательно посмотрел на Мзекалу, раскрыл замок ее рук, бережно положил ее руки на ее колени и сказал:

– Знаешь, Мзекала, я мог бы остановить тебя на первом же слове.

– На каком?

– На слове: он его любит. Ведь в этом вся разгадка, ключ. Разве не ясно – когда один человек находит второго... Назови это дружбой, симпатией, половинкой. Но им хорошо вместе. Вопрос в том, почему это так напрягает тебя и, главное, любишь ли ты его так же сильно?

– Да, люблю! – отрезала Мзекала и на пару секунд замолчала. – Но с силой любви его друга не посоревнуешься! Поэтому я хочу, чтобы Заза исчез... Хотя бы на некоторое время... И я окутаю не меньшей заботой, весельем и прекрасным времяпрепровождением Торнике сама. Я его девушка. Я могу, я в праве. Я хочу!

– Что же мешает тебе сделать это сейчас?

– Заза, Заза мешает! Вы просто не знаете его, не знаете, как его много на этом свете...

Маг сделал большой вдох и закрыл глаза.

– Я заплачу большие деньги. Просто сделайте так, чтобы на какое-то время Торнике был только мой. Я все сделаю сама – он в меня влюбится, он растворится во мне без остатка. Он станет моим до мозга костей.

Маг по-прежнему слушал Мзекалу с закрытыми глазами.

– Пожалуйста... – Мзекала плакала.

Тут мужчина открыл глаза.

– Теперь серьезно!

Мзекала напряглась и выпрямилась в спине.

– Ты хочешь, чтобы я сделал приворот на твоего любимого человека, сделал, чтобы Заза исчез или чтобы ты нашла свой путь в этой жизненной ситуации?

Мзекала, не отрываясь, смотрела на Мага с серьгой в ушах.

– Мне нужно выбрать?

Маг молча и многозначительно кивнул.

– Но мне нужно все сразу: и любовь Торнике, и чтобы Заза оставил нас в покое, и чтобы я нашла себя.

Мужчина опять закрыл глаза и повторил:

– Сосредоточься на своем желании, которое тревожит тебя больше всего, и выбери одно, Мзекала!

Девушка утерла слезы на лице и вновь серьезно задумалась.

– А что мне надо сделать в каждом из вариантов?

В первом – мне нужна его сперма, небольшое количество, или волосы. И эта фотография. Во втором – достаточно этой фотографии. В третьем – твоя кровь.

Мзекала на миг остолбенела и прошептала.

– А какие будут последствия в каждом из случаев?

– Честно?

Девушка закивала.

– В первом – он станет вашим, но на неопределенный срок. Может, год, два или три. Дальше – твое желание, усердие и умение. Торнике – человек с сильной волей. И у него свой путь, своя судьба. Во втором случае – сложнее...

– Почему?

– Потому что, несмотря на большое сердце, этот мужчина, друг, с неуравновешенной психикой. И его судьба...

– Что с его судьбой?

– Не могу сказать наверняка, но она где-то не здесь.

– Не здесь?

– Он скоро сам вас покинет. Но не сейчас, как ты хочешь, а попозже.

– А что насчет моего пути?

– Я покажу, что для тебя поистине ценно.

– Для меня ценны только Торнике и наше с ним будущее.

Маг покорно улыбнулся и медленно проговорил:

– Твое время истекло, Мзекала. Выбирай!

После небольшого колебания девушка Торнике открыла рот и озвучила свое решение. Дом Мага Мзекала покинула без фотографии.

Второй сон Торнике. Алкали. Мечь

*“Как жаль, что тем,
чем стало для меня твое существование,
не стало мое существование для тебя”.*

Иосиф Бродский

Я лежал в траве. Солнце приятно щекотало мои ресницы и лоб. Громко пели птицы и стрекотали насекомые. Передо мной раскинулся величественный, приятно пахнущий свежестью лес с огромными вековыми деревьями, вздымающимися в небеса. Вдруг я услышал красивый женский голос, напевающий песню где-то в глубине чащи. Я не мог разобрать слов. Но слух ласкал удивительно нежный, как будто сотканный из тысячи поцелуев голос.

Я встал и пошел по направлению к голосу. Он слышался с западной стороны леса, там, где на опушке шумела река. Я старался ступать тихо, чтобы трава и камни под ногами не спугнули таинственную певицу. Но голос будто и не думал утихать, наоборот, с моим приближением становился еще чище, отчетливей, сильнее и красивей.

Я отогнул ветвь куста и уперся в огромный камень. На нем сидела моя певица. Она была миниатюрная, в белом ситцевом платье по щиколотку. Сидела ко мне спиной. В руке девушка держала деревянный гребень, которым расчесывала свои длинные белокурые волосы.

Голос ее почти дурманил меня. Я остолбенел и не мог двигаться. Моим единственным желанием было, чтобы она обернулась. И это случилось.

Прямо на меня уставились два ее бездонных голубых глаза. Лукавая улыбка немного кольнула мне сердце. Но тут же голос незнакомки дал понять, что она меня не боится, наоборот, приглашает на свой камень.

Я присел к девушке. Моя нога коснулась ее платья, и ее длинные волосы легли на мою ногу. Тут она собрала волосы в руки и неожиданно спрыгнула с камня в воду. Я опешил. Под нашими ногами, прямо под камнем оказался маленький, но глубокий бассейн с чистой, зеленой водой. Певица стояла в нем, вода покрывала ее грудь. Она не отрывала от меня глаз и не прекращала петь. Казалось, если она сейчас же это прекратит, все волшебство исчезнет. Я слушал ее, почти не моргая.

"Сегодня я буду покорной тебе.

Ночь проведем мы в разговорах".

"О, женщина, не путай мои мысли!

Уйди! Услышь меня!"

Небо рассекает звездный занавес,

Луна спряталась за Медвежьим Крестом.

"Юноша, куда ты ушел? Тебя не видно.

А я так хотела быть честной с тобой..."

Тут и я спрыгнул в воду. Вода оказалась мне чуть выше пояса. Девушка немного понизила голос и опустила глаза, подняла руки из-под воды и спустила с плеч сначала одну бретельку платья, потом другую. Я не отрывал от нее глаз. Вдруг она стала почти нашептывать песню, но делала это еще нежнее и ласковее.

В эту самую минуту, когда белое платье, как трофей, проплыло по воде передо мной, я почувствовал неожиданно сильное желание, такое, какое я никогда ни к кому не испытывал. У меня свело живот, горло, я чуть не потерял сознание. Мне хотелось одного – притянуть к себе незнакомку и впиться языком в ее напевающий рот.

Я сделал шаг, а девушка, как назло, отвернулась от меня. Она медленно разводила по сторонам руками, как будто пытаюсь нащупать в воде свое платье. Я сделал еще один шаг и вдруг коснулся ее тела. У меня пересохло в горле, и вдруг я увидел страшное. Волосы певицы на моих глазах превратились в седую замусоленную копну, а ее лицо в профиль стало грязно земельного цвета. Я дотронулся до нее и немного повернул к себе. В лукавом рту певицы сверкали медные зубы, а на руках, не прекращающих разводящие движения в воде, я увидел ужасные длинные когти, как у коршуна. Я чуть не потерял рассудок, потряс головой и зажмурил глаза, сильно потеряв глазные яблоки.

Странно, мое желание не пропадало. Оно, наоборот, росло. Когда я открыл глаза, прекрасный облик певицы вновь сиял предо мной. Я понял, что эту злую шутку со мной играет война разбушевавшихся во мне разума и плоти.

Красивая незнакомка уже сидела на мне, плотно прижавшись своим гладким телом, и что-то нежно шептала мне на ухо. Мое тело горело, а руки крепко сжимали ее ноги. Ее длинные волосы плотной сетью обвили ее красивую спину и ягодицы. Я не мог разобрать, где кончается я и начинается она. Она впиалась в меня, а я в нее. Она двигалась на мне, а в моем теле, как вулкан, поднималась лава. Ещё немного, и я бы взорвался.

Но в этот момент певица замедляла темп и продолжала удовольствие. Казалось, это будет длиться вечно. Но вскоре незнакомка в моих руках начала лихорадочно дрожать. Волны разрезали ее страстные движения на два течения. Я понял, что подступает конец, и заглянул в ее лицо. Оно превратилось в зверский лик. Глаза стали дикими, как у разъяренной львицы. Кожа вновь приобрела почти земельный цвет. Во рту блестели медные зубы.

Я почувствовал, как ее жуткие ногти вонзаются в мою спину. Притянул ее лицо за грязные седые волосы и заглянул в глаза – она была зверем. И я испытал самое сильное наслажде-

ние в своей жизни. После она стихла в моих руках, вновь став прежней красавицей, а в руках моих остался локон ее страшных волос.

Я забрал ее домой, хотя она руками и ногами сопротивлялась. Жена злилась, рыдала ночами, молила уйти или отпустить ее. Только не видеть Алкали дома.

Да, ее звали Алкали. Она целыми днями сидела во дворе, слушала пенье птиц или ходила к реке, где плавала до заката. А ночами возвращалась в мою постель. Но с тех пор ни разу не доставила мне такого удовольствия, как тогда, в реке, при нашей первой встрече.

Алкали прожила со мной три долгих года. От меня ушли жена, дети, отвернулись близкие. Я сох и понимал, что так продолжать нельзя. Однажды на рассвете я разбудил Алкали и вернул ей ее локон.

– Возьми и уходи! – сказал я ей и открыл дверь дома.

Алкали схватила свои волосы, прижала их к груди и посмотрела на меня.

– Я сказал уходи!

– Я не могу!

– Почему? Ты не даёшь мне огня! Из-за тебя я потерял всех любимых людей. А ты даришь мне только лёд, муки и бесплодные надежды.

– Ты должен прочитать заклинание Али, чтобы я ушла, – тихо промолвила она.

– Я не знаю, что говорить... – я опешил.

– Найди свою жену! – прошептала Алкали и горько заплакала.

Я нашел жену и стал умолять ее прочитать заклинание Али. Жена согласилась. Войдя в дом, она села на колени у кровати Алкали и заговорила:

"Али, Али, Алкали!

Мы тебя сюда не звали!

Мы тебя с леса забрали!

И пожалели, Алкали!

Уходи! Прости! Помилуй!

Нашу душу не насилуй!

Позабудь! Вот волос твой!

Возвращаем голос твой!"

Услышав эти слова, Алкали, как бешеная, вскочила с кровати, быстро нашла в комодке свой деревянный гребень и, в чем была, вышла из дома. У порога она вдруг остановилась, исподлобья взглянула на меня и что-то глухо прошептала.

– Не мсти, Алкали! – вдруг истошно закричала моя жена. Но было поздно. Алкали выбежала из дома. Моя бедная жена замертво упала наземь. Я онемел. А вернувшиеся домой на ощупь дети ослепли.

Акакий. Зазаки. Царевна Русудан

"От нас прежних остаются только призраки"

Нина Лакур "Мы в порядке"

У него были густые белые волосы до плеч и бирюзовые глаза, которые, когда Акакий входил в раж, превращались в океан. Бушующий, волнительный и неподвластный страстям человеческим и плотским. С первого взгляда невозможно было точно определить, сколько этому

мужчине лет. Пятьдесят, пятьдесят пять, максимум шестьдесят. Его фигура и взгляд излучали редкую красоту, спокойствие и достоинство, но не поверхностные, а глубинные, которые трогали не каждого и далеко не сразу.

Что касается характера, то Акакия знали больше как молчуна, чем болтливую человека. Хотя он был больше гулякой, чем затворником. Про таких говорят – себе на уме. Сам же Акакий считал себя очень самокритичным, при этом довольно жизнелюбивым, но немного замкнутой личностью, иногда суровой и даже сварливой. Супруга же часто называла его коротко и ясно – занудой, что всегда его больно ранило, однако он не подавал виду, просто хмурился и молча, долго и внимательно глядел на жену.

Когда много лет назад на пороге его дома вдруг появился молодой красивый человек и назвался Зазой, Акакий его не сразу узнал. Заза смотрел в его глаза с таким укором и печалью, что Акакия впервые стало по-настоящему стыдно.

Годы пролетели, и Заза сильно изменился. Акакий представил, как выглядела его дочь Русудан. Наверное, такая же красавица, как и сын.

"Как назовем сына?" – спрашивала Эка примерно за месяц до родов.

Акакий гладил большой живот супруги правой рукой и улыбался.

"Заза".

"Почему Заза? У тебя кто-то был в роду с таким именем?" – Эка убрала со лба упрямую челку и уставилась на мужа.

"Я вчера смотрел передачу про Заза. Это иранская народность. Ударение в слове ставится на второй слог. По-другому их зовут Дымли. Живут на востоке Турции, в верховьях рек Тигра и Евфрата. Их часто причисляют к курдам. Но у них свой язык. Знаешь, как называется?"

"Как?"

"Зазаки".

"Мило".

"А какую веру они проповедают?"

"Кто ислам, точнее алавизм".

"Впервые слышу о такой религии".

"Это религия персидского направления ислама. Некоторые ученые вообще не относят алавизм к исламу, называя ее отдельной религией, смежной христианству и даже язычеству".

"А при чем тут наш сын?"

"Не знаю, запала мне в душу эта программа. Как-то по-особенному диктор говорил. Зазаки...", – Акакий широко улыбнулся и задумался.

"Тем более вчера был день летнего солнцестояния, день по-своему сакральный... Я решил, что раз эта мысль пришла мне в голову, то неспроста".

"А дочь как? Тоже на букву З? Может Зозефина?" – Эка рассмеялась.

Акакий как будто не заметил шуточки супруги.

"Русудан".

"Русудан?"

"Да. Это самая моя любимая грузинская царица".

"Почему?"

"Потому что она была прекрасной дочерью царицы Тамар и Давида Сослана".

"Ну и что? Если мне не изменяет память, она была намного слаба по сравнению со своей знаменитой матерью-правительницей".

"Ты права. Русудан была слишком слаба. Не сумела сохранить свою страну перед монгольским игмом. В ее правление фактически закончился золотой век истории Грузии".

"Что такого эта Русудан натворила-то?"

"Она взошла на престол после своего брата Георгия XIV. Того ранили монголы и вскоре вторглись в Грузию и заняли Тбилиси. А царский двор во главе с Русудан переехал в Кутаиси. Самой же Русудан пришлось стать женой монгольского хана, точнее сельджукского принца".

"Она его полюбила?"

"Не знаю".

"Интересно, а он был красив?"

"Не важно. Вернее, история об этом умалчивает. Известно лишь, что она родила ему дочь, которую назвала в честь своей матери Тамарой и которую, в свою очередь, тоже отдала в жены сельджукскому султану, а после его смерти – за визиря Первана, практически правителя султаната. Несмотря на это и множественные перемирия монголы еще и еще раз нападали, громили Грузию, пока не заняли всю страну".

"И что в это время делала Русудан?"

"Она была в Кутаиси".

"Страшно представить. Грузинская царица Грузии, разгромленной монголами. И что ей оставалось делать?"

"Что что? Подписать с монголами мир, по которому Грузия была признана вассалом хана и обязалась платить ему дань".

"Капец!"

"Еще какой. Так вот прекратила Грузия свое существование как единое государство".

"И все же не пойму, почему Русудан – твоя любимая царица Грузии".

"Прелесть Русудан была именно в ее слабости. Она боролась как могла. Но кто-то может меньше, кто-то больше. Если на то пошло, место женщины точно не на троне".

Эка хмыкнула.

"Да, и у Русудан все же были сильные черты. Во-первых, перед замужеством с монгольским ханом она потребовала, чтобы тот принял христианство. И он подчинился ей. Назвался при крещении Дмитрием".

"Надо же! Bravo!"

"Да. А, во-вторых, Русудан принадлежит серьезная денежная реформа в Грузии. При ней вновь стали выпускать серебряные монеты. Наконец, когда она пыталась спасти Родину от монголов, то пошла на отчаянный поступок..."

"На какой?"

"Русудан попросила помощи у Папы Римского".

"А он что?"

"Не допросилась".

"А сына у нее не было?"

"Был. Звали его Давид VI Нарин".

"А он что?"

"Что что? Его отослали ко двору хана. В ожидании его Русудан и умерла".

"В Грузию он так и не вернулся?"

"Вернулся. В Грузию все возвращаются... Хотя трон в итоге достался племяннику Русудан, незаконнорожденному сыну Георгия XIV. Если мне не изменяет память, его звали Давид VII Улу".

"То есть внук царицы Тамар и Давида Сослана?"

"Бинго".

Эка долго молчала, как будто что-то обдумывала.

"А Давид Нарин был красив?"

"Об этом история тоже умалчивает".

"Так, может, назовем детей Давид и Русудан?"

"Нет, имя Заза мне ближе. У меня в детстве был друг Заза. Только ему не суждено было стать молодым. Он сгорел со своей пьяной матерью в собственном доме".

"Нехорошая примета называть детей в честь умерших".

"В память умерших".

"Все равно".

"Нехорошая примета перечить мужу".

Акакий убрал руку с живота жены, поцеловал ее в лоб, перевернулся на второй бок и включил телевизор.

– Можно войти? – сказал Заза и, не дождавшись ответа, прошел в большую комнату.

Акакий только развел руками и прикрыл дверь. Заза присел к круглому столу в центре комнаты, достал пачку сигарет и нервно закурил.

– Мама умерла, – пальцы, дрожа, мяли пустую пачку.

– Эка умерла?

– Да, моя мать, Эка, – повторил парень.

Акакий сел рядом с сыном у стола. В комнате было темно, как в бункере. Большие окна были завешены плотной темной занавесью.

– Как?

– Почему у тебя так темно в комнате? – Заза встал и рассеянно рассматривал занавесь.

– Как это случилось, Заза? – Акакий уперся взглядом в спину сына.

– Не пойму, что за темная душная комната?

– Я спрашиваю тебя, как умерла Эка? – Акакий повернул руками сына к себе.

Заза плакал.

– Ее сбила машина. На повороте у нашей школы. Она шла за нами с Русо. Не знаю, почему. Обычно она этого не делала. Мы возвращались домой с сестрой сами. А в этот день произошло иначе. Мы вышли со школы и увидели кучу народа, столпившегося вокруг тела. Мы даже хотели пройти мимо, понимаешь. Просто пройти мимо. Аварии случаются часто и везде, а людей, чтобы помочь, там было предостаточно. Но потом вдруг Русо сказала мне: "Пойдем, посмотрим, кто это?" И мы посмотрели. Мама лежала на земле, как будто прилегла отдохнуть. Немного растрепались распущенные волосы, юбка задралась на одном колене. И только струйка крови изо рта и кровоподтек на голове говорили о том, что Эка не спит.

Акакий отошел к печке и невозмутимо закинул в нее дрова.

– Похороны послезавтра. Мы похороним ее здесь, – Заза вытирал слезы с лица.

– Правильно, – только и выдавил Акакий.

– Правильно? – Заза уставился на отца. – Это все, что ты можешь сказать?

Акакий поднялся, обтер руки о рубашку и подошел к серванту с посудой и фотографиями. Нашел там фото, где Эка улыбалась с двумя близнецами на руках.

– Да, правильно, – повторил он.

Заза вскочил со стола и направился к двери.

– Сядь.

Лицо Акакия немного побелело.

– Сейчас же сядь.

Заза покорился.

– Деньги нужны?

– Не знаю, спроси тетю Натю.

– Хорошо, спрошу. А ты сиди, сейчас принесу поесть и выпить.

Акакий скрылся на кухне. Заза огляделся. Сервант, кровать, большой стол со стульями, диван с креслами, шкаф, печь. Сюда бы еще камин, подумал Заза. Он решил снять с себя куртку. Минут через пять Акакий вернулся в комнату с подносом. На нем стояла миска с варе-

ным лобию, тарелка с сыром, салом и зеленым молодым луком, тархун, перец в масле и немного вареной картошки. Рядом с едой стоял маленький симпатичный графин с чачей. Отец расставил все это перед Зазой и еще раз сходил на кухню за столовыми приборами и рюмками.

После того, как Заза немного перекусил, Акакий налил сыну полную рюмку чачи, налил себе, поднял вверх и молча выпил. Заза сделал то же самое.

– Почему ты нас бросил? – вдруг спросил Заза.

Акакий поднял на сына бирюзовые глаза. Заза был похож на него. От Эки он унаследовал лишь аккуратный нос и красивые скулы.

– С мамой понятно. Ты ушел от нее, это ваше дело. Я тебя в этом плане не сужу. Но почему ты оставил нас? – повторил свой вопрос Заза.

Акакий молча жевал тархун. Заза вдруг фыркнул и опять встал со стола.

– На что я надеялся...

– Сядь.

Акакий усадил сына и налил еще чачи. Они вновь молча выпили.

– Когда я встретил Тину, я все Эке рассказал. Она вроде сначала смирилась и только просила не рассказывать вам об этом, делать вид, что все нормально, что мы семья. Но потом, когда я уже понял, что не могу все так продолжать, она попросила меня уйти.

– Эка попросила тебя уйти?! Не смей меня.

– Да, так и было.

– Но она говорила обратное, что это было твоим решением, что ты бросил ее и нас. Не приходил, не звонил, не интересовался нашей судьбой. Единственное, исправно платил алименты и все.

– Я приходил, звонил и интересовался вашей судьбой. Просто Эка попросила не портить ваше впечатление об отце. Исчезнуть – ее слова. В противном случае угрожала, что покончит с собой и что близнецы останутся без матери.

– Это тогда она попыталась вскрыть себе вены...

– Да, тогда. Сказала, что это предупреждение и что, если я не исчезну из вашей жизни, вторая попытка будет более эффективной.

– Господи...

– И она могла это сделать, сынок. Эка могла.

– Я знаю, знаю... Но ты же мог как-то ее уговорить, не знаю, через суд, через близких, через нас. Ведь ты так был нам нужен. Все эти годы. И мне, и Руске.

Акакий закрыл глаза. Его лицо сморщилось, как от жуткой боли. Он вдруг вспомнил все эти дни и ночи, пронизанные угрызениями совести, полным бессилием, апатией, сомнениями и надеждой, что дети вырастут и все поймут.

Сначала Акакий был в отношениях с Тиной, которая была способна его отвлекать и дарить простые радости жизни. Но потом, когда Тины не стало, он впал в глубокую депрессию, сильно запил, пока однажды не увидел тень Тины в комнате. Вернее, не тень, а ее лик. Именно она сказала тогда Акакию, что ему пора с этим заканчивать. В ту ночь мужчина сильно испугался, весь покрылся потом, зажмурился, а когда открыл глаза, понял, что действительно пора с этим кончать.

Так он начал много работать, трудиться, следить за хозяйством, домом, облагораживать жилье, даже научился делать кое-какие ремонтные работы и подрабатывал этим в деревне. Он заполнял работой целый день, чтобы ночью, обессилив от усталости, свалиться и забыться во сне, чтобы не оставалось ни сил, ни нервов, ни времени, ни желания на алкоголь, мысли о Тине, Эке, детях.

Он частенько отправлял деньги и игрушки через Натю, сестру Эки, которая была более сговорчивой и жалела его. От нее же он и узнавал все новости о близнецах. О том, как они учатся, чем увлекаются, каким видом спорта интересуются, что о нем думают.

Так он упустил кучу минут и часов со своими детьми. И с каждым годом, задумываясь об этом, все больше ненавидел и корил себя. А Эка по-прежнему была неприступной. И когда Акакий в очередной раз в надрыве сказал, что хочет принимать участие в воспитании детей, Эка выдала ему, что уезжает в Канаду, что все документы уже готовы, все решено и пусть он не смеет ей мешать.

Когда Акакий обо всем этом подробно рассказал Зазе, тот вдруг неожиданным образом признался, что не держит на него зла и что всегда шестым чувством ощущал, что отец рядом и что когда-то все станет иначе. Акакий был в восторге от того, что сын оказался способен его простить и в сердце благодарил Эку за то, что она вырастила такого сына.

В ту ночь Акакий увидел в доме лик Эки. В мгновение мужчина понял, что эти видения не были связаны с алкоголем. Эка была абсолютно не грустна, наоборот, как будто светилась счастьем и уверенностью. Она стояла у серванта с посудой и фотографиями в белом длинном платье, напоминающем подвенечное.

– К тебе приходил твой Зазаки? – спросила тихо она.

Акакий молча кивнул и, не глядя назад, сел на кушетку.

– Не бойся, Како, я всего лишь твоя Эка.

– Я не боюсь. Просто не могу понять, почему я вижу тебя и говорю с тобой. Я что сошел с ума?

– Нет, Како, ты просто человек, говорящий с призраками. Зачем что-то усложнять? Я не причиню тебе зла, да и приходить больше не буду. Завтра ты увидишь меня в гробу. Скажи Натии, чтобы не красила меня и не подводила брови. Хотя может немного покрасить мои губы вишневой помадой, совсем чуть-чуть. И ею же немного подарить румянец щекам. А то я очень бледна, не правда ли?

– Ты прекрасна, Эка!

Эка застенчиво улыбнулась. Она правда была как никогда красива и молода, как в тот день, когда Акакий ее увидел.

– Оставьте волосы распущенными и наденьте на меня то синее платье, которое ты мне привез тогда из города. И, прошу, не зовите плакальщиц. Ты знаешь, я не люблю этой фальши. И ты не плачь, Како! Будь стоек. Теперь ты за меня. Теперь Заза и Русо твои. Прости, что запрещала раньше видеться.

– Почему ты умерла, Эка?

Женщина беззвучно рассмеялась.

– Это таблетки, Како. Они сводили меня с ума. Ты же знал, что я больна. И я всегда на них сидела, чтобы поддерживать в себе здоровый ум. Но в тот день я их не пила, и за день до того и, кажется, всю неделю.

– Почему? Ты же столько держалась.

– Я устала, Како! Да и дети выросли. Я им дала свою любовь. Теперь твоя очередь.

Акакий сглотнул слюну и задержал подступающие слезы.

– Завтра не бросай в меня землей, лучше кинь розы из своего сада. Розовые розы, которые ты вырастил своими руками. И часто навещай меня! Хорошо? Очень часто, чтобы я не скучала. Ты меня слышишь, Како?

– Я буду приходить.

– Хорошо. Тогда я буду спокойна.

Како, закрыв глаза, плакал.

– Како, мой Како... Я все равно тебя люблю. Несмотря ни на что люблю, всегда любила. И там буду любить. Только, пожалуйста, почаще будь с Зазой. Люби его, будь с ним добрее, побольше говори с ним. Не упускай времени. А то можешь не успеть.

Како открыл глаза.

– Почему? Чего не успеть?

Но Эки уже не было.

Вторник, 20 ноября, 2018

Второе письмо. Не мой бог. Ламбер

«Когда буду умирать, бог меня спросит:

Костя, где та женищина?»

«Какая женищина?»

«Ну та, которая на станции была».

«Я не знаю, Господи».

«Дурак ты, Костя», – скажет Бог.

Вахтанг Кикабидзе, из фильма «Ольга и Константин»

В такси я по-прежнему ощущал некую неловкость. Мне хотелось побыстрее покинуть Гурию – край, где Заза был счастлив с отцом, который до сих пор не знает о том, что его нет.

Я злился на друга и одновременно недоумевал: как он мог так уйти? Не предупредив, не рассказав о своем несчастье, не попрощавшись, наконец. Неужели он подумал, что в неведении до конца жизни его отец не почувствует боли? Или кто писал эти письма? А если он, то кто их передавал и зачем? И сколько еще их, этих странных писем?

Водитель, не скрывая любопытства, посматривал на меня в зеркало заднего вида. Было очевидно, ему не терпелось со мной заговорить. Дорога была долгая, и ему хотелось провести ее в беседе. Но сейчас я не мог рассуждать на тему повышенных налогов, обесценивания лари или плохого урожая. Мои мысли были только о Зазе и его проделках.

Я думал, кто бы ему мог помогать в этом, усиленно перебирая в памяти всех друзей и приятелей Зазы. Дато Микеладзе – он тоже пел с нами в церковном хоре. Правда, потом пошел не лучшей дорогой и попался на продаже наркотиков. Отсидел пару лет и сейчас живет в Испании. Неужели он? Но он не походил на человека, который бы занимался этим делом после смерти Зазы.

Может, Гиги Берулава? Он был немного старше нас с Зазой. Юрист по образованию, Гиги был руководителем неправительственной организации, занимающейся проблемами гендерной политики в Грузии. И, конечно же, был бисексуалом. Он часто засорял нам с Зазой мозги всякой ерундой, но был неплохим парнем. Хотя пол-Тбилиси мечтало избить его из-за его ультралиберальных взглядов на власть и уклад жизни большинства грузин. Гиги не боялся и даже любил жестко высказываться. И это не мешало ему ежегодно отхватывать от зарубежных стран крупные куши грантов на развитие своего фонда и налаживание гендерной политики в стране. Но мне никак не верилось, что Берулава был способен вовлечься в чепуху такого рода.

Кто еще? Может, Нина? Девушка, которая с детства была безумно влюблена в Зазу. Он с ней тоже дружил. Может, разыскать ее? Хотя тоже не похоже, чтобы Нина была способна на такое. Недавно она вышла замуж за человека довольно жесткого и консервативного. Трех детей ему родила почти одного за другим. Где ей заниматься письмами Зазы?

И вдруг меня озарило. Отец Матэ. Точно. Ошибки быть не может. Это отец Матэ. Священник из нашего с Зазой детства. Его, обладателя просто неземного, божественного голоса, настоятеля нашей церкви и руководителя хора, в котором мы с Зазой пели, как-то пригласил в Тбилиси всего на один вечер. Не помню, что это был за вечер. В церкви тогда собрались только наш хор и совсем немного паствы. Отец Матэ пел, как всегда, закрыв глаза. И это были прекрасные песнопения. Мы не могли оторвать от него глаз. Не просто потому, что он был нескромно для священнослужителя красив. Нет, отец Матэ был не похож ни на одного священника, с которым мы были знакомы. Когда он увидел, что мы после окончания службы с Зазой уединились и вместе намылились куда-то, он подозвал нас и сказал:

– Впервые слышу такие сильные мальчишеские голоса. У тебя, Заза Сария, необыкновенный по чистоте и глубине первый голос. А у тебя, Торнике Накашидзе, бархатный второй. Берегите их. Даже если вы не станете певцами (к чему я вас не призываю, главное, будьте людьми), пойте иногда. За столом, на природе, когда вам будет весело или грустно, просто, когда захочется или когда не найдете нужных слов и решений. Не стесняйтесь. Поющий мужчина – это красота. Помните это. И приезжайте ко мне в монастырь Джумати. Я научу вас еще кое-чему. Я не просто так, ради приличия говорю, правда приезжайте. Прямо этим летом.

И мы правда поехали в Джумати. А потом еще один раз, и еще. И то, кем Матэ стал для нас с Зазой, то, как он сам нас полюбил всем сердцем, вдруг позволило мне подумать, что эта личность, во многом для нас еще не разгаданная, могла бы помочь Зазе в этом неординарном деле. Уж очень отец Матэ был многогранен как человек и непредсказуем как священник.

Таксист остановил машину в незнакомом мне месте. Местные жители шумно, прямо у обочины призывали проезжих приобрести мясо, вино, чачу, самодельные ликеры, чурчхелу, лаваш, сыр, орехи, семечки и сухофрукты. Водитель вышел набрать воды из бьющего из скалы источника. Я купил горячего лаваша с сыром и вареную кукурузу. Когда вернулся к машине, хозяин мерседеса курил у открытой двери.

– Ты друг Зазы? – спросил он, прищурившись.

Я откусил сыра с лавашем и кивнул.

– Заза был отличным парнем...

Я серьезно посмотрел в его черные глаза. И понял, что про смерть Зазы знают все, кроме его отца.

– Он очень сильно любил отца. И сделал главное – простил его. Он просто принял его таким, какой Акакий есть. А это большой поступок. На это немногие способны. Единицы, если на то пошло.

Он протянул мне бутылку с водой из источника. Я осторожно сделал глоток холодной воды. Весь оставшийся путь мы с водителем проговорили. В Тбилиси я приехал около полудня. У моей двери, на коврик, я нашел второе письмо от Зазы. Я сделал глубокий вдох, вошел в квартиру, поставил на пол гостинцы от отца Зазы и поспешно открыл письмо.

Такие же три мелко исписанных листка и фотография. На ней вновь Заза. Я впервые видел его таким умиротворенно спокойным. Он сидел на кресле-качалке с какой-то девушкой. Их ноги были укрыты сиреневым пледом. Заза смотрел в объектив и улыбался. Его рука крепко обнимала сидящую рядом за плечи. Девушка в объектив не смотрела. В руках она держала чашку, может, чая, может, кофе, а может, еще чего-то покрепче.

На Зазе были свитер и шарф. На девушке – какой-то вязаный кардиган. А на шее блестел красивый кулон в виде маленького ключа. На руках были черные перчатки с обрезанными пальцами. Она смотрела куда-то в бок и таинственно улыбалась.

Это был тот самый балкон, о котором Заза говорил мне в первом письме. На обратной стороне написана дата. Странно, день совпадал с тем днем, когда мы впервые с Мзекалой сильно поссорились. Был март, мы играли в боулинг с друзьями. Накануне Мзекала рассердилась на меня из-за какой-то чепухи и в тот день весь вечер раздражала меня, флиртуя с моими друзьями. Я разозлился и бросил ее в том боулинг-центре.

В пальто и ботинках я уселся на диван, краем глаза посматривая на фотографию. Вдохнув в легкие нужное количество воздуха, я принялся читать письмо.

"Привет, брат! Я уже соскучился, Токо! Хочу тебя поздравить. Ты сделал это. Взял отпуск и повидался с моим отцом. Я надеюсь, ты не слишком расстроился? Пойми, Ток, я не мог ему сказать. Он только обрел меня. Я знаю, может, со временем ему кто-то и расскажет. Если уже не рассказал... Но моих писем хватит еще лет на десять. Знаю, знаю, это так глупо. Так по-детски. Точно не по-взрослому. Но кому нужна эта нудная взрослая жизнь? И, Токо, друг, не смей меня осуждать. К счастью, ты не был на моем месте..."

Ладно, давай не будем о грустном. Ближайшие годы Акакий Сария будет получать ежегодно по одному письму от меня и по одному подарку в день рождения. Прими это, как принимал все, что я творил, пока жил. Ведь не всегда найдешь объяснение тому, что, черт, так сильно хочется сделать в жизни.

Токо, я сейчас скажу ужасную банальщину: жизнь очень короткая штука. В моем циничном случае просто мегакороткая, просто непростительно, мать ее за ногу. Так что не слушай никого и всегда делай только то, чего хочешь именно ты, а не кто-то другой. От чего глаза сверкают и в животе приятно. Да и ты плохого не захочешь, поверь! Я знаю тебя, как облупленного.

А теперь налей себе бокал вина, которое подарил тебе мой отец. Оно шикарное. Он хранил его для меня. И послушай, что я тебе расскажу".

"Жуткий провидец", – подумал я и отложил письмо. Снял с себя всю одежду, забросил в стиральную машину и включил ее. Потом надел на себя домашний спортивный костюм. В холодильнике было пусто. Я налил привезенного из Гурии вина и положил на поднос остатки хлеба с сыром. Усевшись на диван, еще раз внимательно взглянул на Зазу с незнакомкой на фотографии. У нее был прямой и немножко крупный нос, чувственные губы и красивые глаза. Из-под пледа выглядывали ноги в джинсах и кедах.

Внимательно рассмотрев незнакомку, я отложил фотографию рядом на диван и продолжил читать.

"Токо, во-первых, я благодарен тебе, что ты не считаешь все это пустой и безумной затеей. Нет, естественно, ты именно так и считаешь. Но, тем не менее, ты поехал к моему отцу, передал ему привет и, короче, ввязался во все это. И, я надеюсь, что Акакий не очень грустит. И что он не плакал. Я никогда не хотел бы, чтобы он, вспоминая меня, плакал. Так что и ты не увлекайся этим делом, брат".

Я сглотнул наметившийся в моем горле комок и продолжил читать.

"Я встретил ее в вагоне метро. В Гамбурге. В тот же миг, как наши с ней глаза встретились, я понял, для чего судьба занесла меня в этот город. Спустя пять секунд она отвела глаза, а я нет. В ней было красиво все: глаза, рот, руки, шея, плечи, ноги, ногти, волосы. Она читала книгу.

И вдруг я безумно занервничал. Помнишь фильм "Непристойное предложение"? Там главный герой, которого играет Роберт Редфорд, рассказывает о том, как в юности встретил в вагоне метро девушку и не смог оторвать от нее глаз. А когда он вышел на своей станции, не осмелившись заговорить с ней, та напоследок улыбнулась ему. Так он после этого готов был сломать эти чертовы двери метро, чтобы только вернуться к ней. Но было поздно. Поезд ушел. Он ждал ее на том месте и в то же время около двух недель ежедневно. Но она не появлялась. И потом он всю жизнь жалел о том, что упустил свой шанс.

Так вот я решил не поступать, как герой Редфорда. Я вышел за ней. Конечно, я пытался сделать все максимально естественно. Останавливался у киосков, покупая газеты, брал на улице хот-доги, делал вид, будто искал какой-то район. А моя цель, иногда робко оглядываясь, продолжала идти вперед.

Так я зашел за ней в маленький кинотеатр. Как оказалось, там показывали старое кино. В тот день шел фильм "Последнее танго в Париже" Бертолуччи. Токо, именно тогда я понял, что это первый знак.

В маленьком зале было темно. Я отыскал свободное место. Она сидела сбоку через три ряда от меня. А я изучал ее силуэт. Она изредка поправляла волнистые волосы и подпирала рукой правый висок, зная, что я сижу позади нее. А я вспоминал тебя. Как тем летом мы с тобой заплывали в море. Я тебе говорил, что боюсь медуз, а ты долго смеялся. Помнишь? А потом мы летели на парашюте над морем. Это было не то чтобы захватывающе, а как будто мир дарил нам ощущение полного совершенства, какого-то безупречного бытия. Я часто вспоминаю тот полет, Ток.

А когда закончился фильм, я вновь пошел за ней. Она выпила кофе с пирожным в ближайшем кафе, увлеченно читая книгу. Это был Достоевский, Токо, "Бесы". И это был второй знак.

Я следил за ней три дня. Токо, целых три дня. Ты представляешь, чтобы я следил за девушкой три дня и не заговорил с ней. Мы просто смотрели друг на друга. И эти взгляды были откровеннее всех чувственных сцен, которые только переживала планета за свое существование. Когда она смотрела на меня, я понимал, что способен на все. Что скажи она мне целовать ее ноги, я бы покрыл ее горячими поцелуями, прикажи броситься с обрыва, я бы спрыгнул. И только одно бы я не мог сделать – перестать о ней думать.

Токо, я не стану испытывать твое терпение: я познакомился с ней на третий вечер моего за ней слежения. И это было самое удивительное знакомство. После одной театральной постановки в каком-то андеграундном театре на крыше здания устроили афтепати. И она была там. Она стояла в компании своих друзей, смотрела на меня, пила мартини и таинственно улыбалась. А потом заиграла такая же, как ее улыбка, прекрасная музыка. И она, сделав большой глоток мартини, поставила бокал на стол и направилась ко мне. Представь, без слов взяла мою руку в свою, и мы начали танцевать.

Но это был не просто танец. Я робко держал одной рукой ее руку, а второй – ее талию в коротком черном платье. Я еле сдерживался, чтобы не прижаться к ней всем телом. Но она так странно смотрела в мои глаза, что я понял: у этой девушки есть какая-то тайна...

Короче, это девушка на фотографии. Ее зовут Нелли. Нелли Мания. Не смейся! Да, Нелли Мания стала моей манией – сказал бы ты! Нелли грузинка. Ей 27 лет, и у нее самая удивительная профессия на свете. Она журналист, ведет в одном толстом глянцево-м журнале колонку – путеводитель по необычным местам. Ты себе представить не можешь, она каждый четверг отправляется в место, где раньше никогда не бывала, и потом пишет о нем в журнале. К примеру, сегодня она осваивает стрельбу в тире, завтра – работу аниматора в доме для престарелых, послезавтра – конный спорт или работу надзирателя тюрьмы для несовершеннолетних. Это девушка-ураган, понимаешь, Ток! Она такая красивая. А глаза... Чувак, они как окна Вселенной.

Я летал на крыльях целый месяц. Мы с ней очень быстро сблизились. Когда я был с ней рядом, то понимал своего отца. С Тиной он летал. Хоть в кровати, хоть на кухне, хоть в душе. А моя мама обломала ему крылья...

Но здесь было нечто другое. За этот месяц у нас с Нелли не было близости. Были просто поцелуи, страсть, которая была через край. Я так полюбил ее, что очень боялся все испортить. Ты же знаешь меня, я никогда не был с одной женщиной, не любил одну, ну ты понимаешь, о чем я.

Я долбаный полигамист. Добьюсь своего и становлюсь хладнокровнее куска льда. И поэтому я откровенно испугался. Я хотел Нелли, как никого ранее. Она снилась мне во сне и наяву. Она действительно стала моей манией. Но я боялся до нее дотрагиваться, чтобы после этого перестать ее хотеть.

А потом я нашел третий знак. Нелли отлично рисует, и иногда по субботам она приглашает для позирования своих друзей. Однажды, вернувшись домой после встречи с продюсером, заказавшим мне сценарий, я нашел на ее мольберте твой портрет. Токо, я серьезно, это был ты. Вылитый. Ты на ее картине. Ты блаженно улыбался и курил свою сигару, полулежа в моем кресле-качалке.

Я сорвался с места, начал трясти ее, спрашивая, кого она рисовала. Спрашивал, приходил ли ты сюда и где ты. Нелли очень испугалась моей реакции и сказала, что рисовала по памяти. Что этот образ мужчины часто приходил к ней во сне. И что в ту ночь в ее сне ты приходил ко мне в гости, мы распивали виски, курили сигары и вспоминали прошлое. И она перенесла твой образ на бумагу.

Теперь ты понимаешь, Токо, все сходится. Бертолуччи, Достоевский, твой портрет. Да черт со всем этим, Нелли – именно та девушка, которую ты мне описывал тогда, тем летом. Ты помнишь? Девушка с интересной жизнью, с богатым внутренним миром и божественными глазами. Не красивая в классическом понимании, но желанная тобою. Только тобою. А еще уверенная, независимая и от этого ужасно сексапильная. Токо, брат, тогда ты описывал мне Нелли. Может быть, ты был с ней знаком в прошлой жизни. А в этой вы просто разминулись. Потому что она даже в Тбилиси жила рядом с тобой, на улице Джавахишвили. Ток, это не может быть совпадением. Таких случайностей не бывает. Случайностей вообще не бывает. Она переехала в Германию всего несколько лет назад.

В тот вечер я не сдержался, разрыдался над твоим портретом и все рассказал ей. О том, что меня скоро не станет. И что я больше всего на свете хочу любить ее, но не могу сделать ей больно. Токо, я рассказал ей о тебе. И она согласилась, что, возможно, ты ее судьба. Но случилось так, что здесь и сейчас она полюбила меня и полюбила очень сильно.

И я отдался этой последней моей любви до конца. За что прошу у тебя прощения. Потому что Нелли Мания – это женщина, созданная для тебя. Иначе ты бы ей не снился. Я в этом абсолютно уверен. И поэтому на твое имя сегодня выслан еще один денежный перевод. Немедленно покупай билет и езжай в Гамбург. Если я не ошибаюсь, Нелли еще здесь и ждет тебя.

P.S. И, напоследок, одна маленькая просьба: просто доверься мне и сделай, как я прошу. Не заговаривай с ней первые три дня. Ни слова".

Я опустил письмо на колени и уставился в окно. Все показалось мне сущим бредом, адской галиматьей, от которой сводило рассудок. Какая-то Нелли Мания, когда-то моя соседка по району, в Гамбурге видит меня во сне и любит Зазу до последних дней его жизни. В то время, как она создана любить меня.

Я посмотрел на фотографию и потрогал ее изображение. А, может, это чья-то злая шутка? Может, кто-то захотел меня жестоко одурачить. Может, это Мзекала мстит? Но за что? Ведь уйти было ее решением.

Я допил вино, доел хлеб с сыром и все равно почувствовал резкий голод. Желудок был пуст. Часы показывали половину первого. Я открыл холодильник. Две луковицы, три зубчика чеснока и чуть увядшая зелень. На столе лежали гостинцы от Акакия Сария. Я решил сварить лобио. Долго ждать, но почему-то очень захотелось лобио. Мзекала варила мне его, когда я ее просил об этом. Поставив лобио вариться, я вернулся в комнату. Широко открыл окно в комнате и прикурил сигарету. Потом затушил ее и достал из шкафа сигару, зажег и довольно затянулся.

Вновь взяв фотографию Зазы, я подумал о Нелли Мания. Заза был прав. Однажды, когда мы проводили с ним лето на море, я рассказал ему, что мечтаю встретить девушку, не обязательно классически красивую, но сексапильную. Чтобы я желал ее каждую минуту, когда она смотрит телевизор, ходит по дому полуголая или читает книгу. И чтобы на нее посматривали другие мужчины, а я был бы спокоен, потому что был бы в ее голове, а она – в моей. Чтобы она любила, к примеру, драмы Бертолуччи, хотя бы раз в своей жизни прочитала бы что-то из Достоевского и получила от этого удовольствие, чтобы занималась интересным делом или имела хобби. Чтобы удивляла, умела рассмешить меня и была способна на сильное чувство.

И вдруг я задумался: почему же тогда я влюбился в Мзекалу? Ведь она была абсолютной противоположностью моей девушки-идеала. Мзекала увидела меня в то лето, в Батуми и сразу влюбилась в меня. Не в Зазу, как все девушки, а в меня.

Единственная и избалованная дочь богатых родителей, она привыкла получать то, что хотела. Мзекала была яркой, красивой, стильной. И именно это меня сначала отталкивало. Но она не отступала, каким-то удивительным образом смогла заставить меня ухаживать за собой, привлекла к себе, сразу познакомила с родителями, родственниками и лучшими подругами и спустя некоторое время просто переехала ко мне.

Потом до меня дошли слухи, что Мзекала сделала на меня "джадо" – так в Грузии называют любовный приворот, который делается на объект, любовь которого хочешь к себе вызвать. Обычно это совершается с помощью специальных молитв, атрибутов, а иногда волос, вещей, личных предметов – носителей информации о человеке. Но я не верил в этот бред и все больше в нее влюблялся. Хотя не мог объяснить, что меня в ней притягивало.

Может, то, что Мзекала было немногословной, а я любил тишину. Или то, что она часто и во многом со мной соглашалась, а я любил покорность. Но она была права, я никогда особо не стремился делать ей приятные сюрпризы. Я просто жил с ней и меня все устраивало, особенно интимная сторона. Но этого, как видно, было недостаточно.

Тут я опять ощутил острую пустоту в желудке. Решив выйти перекусить, я отложил варку лобио. Порылся в шкафу, отметил в нем непривычную пустоту. Правая часть большого зеркального шкафа всегда была заполнена одеждой Мзекалы, а сейчас она пустовала, как курортный город после наплыва туристов. Я нашарил там чистые брюки и свитер, одел свежие носки, кеды и вышел из дому.

Похолодало. И мне почему-то стало приятно. Я любил осень. Не потому, что в эту пору родился, не потому, что все сезоны на телевидении осенью обновлялись. Осенью все начиналось. Осенью рождались надежды, страхи, планы, желания что-то успеть, что-то начать и закончить. Под моими ногами шуршали желтые листья вперемешку с грязью и мусором. И я, как ребенок, раскидывал их по сторонам, радуясь, что могу себе это позволить.

На секунду остановившись, я глубоко вздохнул и вспомнил, почему вышел из дома. За углом готовили вкусную шаурму. Я заказал одну с перцем, бутылку пива и поднялся на второй этаж заведения. Уселся за столик и в ожидании своей порции подключился к вай-фаю, введя указанный на стене пароль. Проверил социальные сети и почту. Ни одного письма от Мзекалы. Только одно сообщение от Зуры, моего напарника. Он опять переживал за меня. Я быстро набрал его номер и объяснил, что все в порядке. Предложил ему ко мне присоединиться.

– Я бы с удовольствием, брат, вот только опаздываю на работу. Но дети заболели каким-то вирусом. А няня вот-вот должна подойти. Не могу оставить жену одну. Слишком капризные, – говорил на громкой связи Зура. Был слышен детский плач и, похоже, звуки мультфильмов.

– Конечно, конечно, в другой раз! – я закивал головой, как будто он меня видит.

– Да-да! Обязательно, братишка!

– На работе все ок?

– Да, Ток! Не беспокойся! Я справляюсь! Ты когда вернешься?

– Через неделю, как и обещал.

– Значит, до понедельника!

– До понедельника, брат! – я дождался, пока Зура сам отключится. В трубке послышался громкий плач, и связь оборвалась. Я положил телефон на стол экраном вниз и огляделся.

Девушка в черном платке на голове и в черных лосинах принесла мне пиво и шаурму. У нее была идеально выточенная фигура. Я всмотрелся в ее глубоко посаженные карие глаза с идеальными стрелками и заметил тату на запястье в форме квадрата с глазом. Вдруг я вспомнил, как Мзекала просила сделать одинаковые тату на запястье с нашими именами. Но я тут же отогнал мысли о ней. И в который раз ругая себя за нездоровую пищу и представляя лицо моего фитнес-тренера, умял шаурму.

Когда я, сытый, покинул бар, то мою голову вновь посетила мысль, что письмо Зазы и вся эта задумка с Нелли Мания были бредом сивой кобылы. Но я не знал, что делать дальше. Я взял отпуск до понедельника. А сегодня был уже вторник и Заза хотел, чтобы я купил билет и отправился в Гамбург, к его последней любви, якобы уготованной для меня кармой. Но я плюнул на все и, вернувшись домой, проспал почти весь день.

Где-то к четырем часам дня я проснулся, доварил лобио, заправил его чесноком, луком, зеленью и специями, поел, запивая кахетинским вином, которое меня опять сморило в сон. И я провалился в него опять на несколько часов.

Когда уже порядком стемнело, меня разбудил звонок в дверь. "Неужели третье письмо? Но я ведь не видел второго человека?!" – напряг мозг я.

Наспех одевшись, я подбежал к двери и, не взглянув в глазок, распахнул ее. На меня смотрели два кротких светлых лица. Одно повыше другого. Это были лица двух женщин средних лет в черных длинных одеяниях. Их губы почти одновременно заговорили:

– Молодой человек, а хотели бы вы жить вечно?

Я опешил: "Иеговисты. Только не сейчас".

Два усиленно старающихся предугадать мою реакцию лица как будто прочитали мои мысли и немного помрачнели.

– Извините, я как-то не думал об этом...

– А вы подумайте!

Я немного подумал.

– Учитывая опыт после просмотра фильма "Интервью с вампиром", наверное, как-то не очень, – выдал из себя я.

– Но жизнь – это не кино, – пропело одно лицо.

Та, что повыше, мгновенно вытащила из-под полы своего одеяния тонкий буклет и протянула его мне.

– Помощь и подсказки близки. Тем более сегодня вы можете получить ответы на все интересующие вас вопросы онлайн. Необходимо всего лишь посетить нашу страницу по указанному адресу, задать любой вопрос, а наши консультанты мгновенно на него ответят.

Тут, выждав пару секунд, заговорило кроткое лицо, что пониже.

– А еще в это воскресенье мы приглашаем вас на празднование Великого обратного отсчета к дню рождения нашего Спасителя. Можете присоединиться к празднованию в вашем районе. На улице Джавахишвили, в 4 часа дня. Вы придете? – кроткое лицо скривилось в просьбе.

– Я очень постараюсь, раз я приглашен, – выдал я.

– Да-да! Приглашены все Божьи дети! – опять одновременно заговорили женщины и попрощались.

Я тихо прикрыл дверь и решил сделать самую глупую вещь в моей жизни. Включив запыленный ноутбук, я ввел адрес сайта из буклета в адресную строку браузера. Простой ненавязчивый интерфейс. Сбоку выскочило приглашение на день начала Обратного отсчета к дню рождения Христа с настоятельной просьбой не пропустить это мероприятие. Прямо в середине сайта было длинное поле с кнопкой "Получить ответ". Я быстро ввел вопрос. Всего четыре слова: ЖИВ ЛИ ЗАЗА САРИЯ? Потом я нажал на кнопку "Получить ответ" и зажмурил глаза.

Вдруг я представил его в плавках с флагом Канады. Он сидел в кресле напротив и широко улыбался.

– ...Торнике, ты помнишь, я спрашивал тебя, чего ты хочешь в жизни? – спросил меня Заза и знакомым жестом откинул непослушные волосы назад.

– Ну, помню, – я сглотнул слюну и закусил изнутри правую щеку.

– Дурак, ничего ты не помнишь! – Заза обиженно и немного драматично отвел взгляд к окну.

За окном громко играли в жмурки дети.

– Да, помню, помню, – я безуспешно напряг память.

– Ну и что ты мне тогда ответил? – Заза, не отрываясь, смотрел в окно на детей.

– Не помню, – обреченно признался я.

– Вот! А еще друг называешься! А ты у меня всегда в голове!

Я сильно потер и открыл глаза, уставившись на экран компьютера. Там был ответ. Но я не мог разобрать слов. Глаза застлала летающие приторные хрустальные шарики. Я разогнал их и увидел слово "Да". И тут же: "Хотите задать еще вопрос?".

Да, хочу! "И где же он, Заза Сария?"

Я нажал "Получить ответ", но уже не закрывал глаза. Сайт загрузил и не выдавал ответа. Я стер вопрос и заново его ввел, но ответ по-прежнему не поступал. Тогда я обновил страницу, а потом перезапустил ноутбук и еще раз задал свой вопрос. После нескольких попыток божий сайт сжалился надо мной и милостиво выдал мне ответ.

"Он в вашей голове".

Я вскочил и опять почувствовал, как сердце медленно билось. Странно, обычно при стрессах пульс ускоряется, а у меня замедлялся. Так я точно заработаю невроз, подумал я и решил прогуляться.

"Он в вашей голове". Что бы это значило?

Я битый час гулял по Тбилиси. Обошел близкие и дальние улицы и районы. Заходил в кафе, гулял по мостам, сидел на скамейках в парках. Я не хотел идти в пустой дом, где меня никто не ждал, только письма от покойного друга со странными просьбами, которые сводили меня с ума.

Я решил не идти сегодня домой. И пока я раздумывал, куда направиться, прикуривая сигарету, меня чуть не сбил черный гольф.

– Куда лезешь? Жить надоело? – нервно кинул молодой таксист и попросил сигаретку. Я предложил ему сразу две. Таксист поблагодарил и попросил зажигалку. Я зажег пламя и поднес к его лицу. У таксиста была шикарная борода, но на вид ему было не больше, чем мне.

Он заметил, что я таращусь на его бороду, и не без гордости заявил:

– Я теперь ламберсексуал!

– Отвезешь меня куда-нибудь, ламберсексуал? – спросил я и выпустил дым в сторону от него.

Он покосился на меня и сплюнул:

– Это куда?

– Да в любое место по твоему вкусу или хоть в первое попавшееся. Хочу расслабиться.

Он на секунду задумался:

– Деньги не проблема?

– Нет.

– Тогда садись! Знаю я тут одно классное местечко неподалеку.

– Только сначала покатай меня немного с ветерком!

– Чего???

– Говорю же, деньги не проблема!

– Ок! Сегодня твой водитель Ноэ, так что расслабься, будет тебе ветерок! Ведь в этой жизни насытиться можно только ветром.

Вторник, 17 ноября, 2015

Маквала. Сайонара. Неисправимый романтик

"По-настоящему мы живем только тогда,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.